
Награда
за верность
Невский
проспект
Евгений Костюченко
18+

Евгений Костюченко

Награда за верность

«Автор»
2026

Костюченко Е.

Награда за верность / Е. Костюченко — «Автор», 2026

Полина Зубровина встречает двадцать первый век спокойно - ведь она уже добилась всего от жизни. Хорошая работа, квартира в центре, дочь-студентка. Кажется, чего-то не хватает... Впрочем, ей некогда разбираться со своими чувствами - бизнес вот-вот рухнет, не выдержав столкновения с черной магией. Она привыкла рассчитывать только на себя. Но сейчас ей потребуется помощь из прошлого.

© Костюченко Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

1. 6
2. 12
3. 16
4. 22
5. 28
6. 34
7. 40
8. 46
9. 50
Конец ознакомительного фрагмента. 51

Евгений Костюченко
Награда за верность

Награда за верность

1.

Удивительно, какие странные идеи и слова приходят в голову при встрече с прошлым. Случайно заметив на улице своего первого мужа, Полина Зубровина сразу подумала не о том, что они не виделись лет десять, и не о том, что он плохо выглядит. Она даже не подумала, проехать мимо или остановиться. Нет, все эти соображения возникли чуть позже, а самая первая мысль была странной, неожиданной, нелепой.

«Я получила от жизни все», - подумала она.

Полина Зубровина вступила в комсомол, когда ей еще не исполнилось четырнадцати лет. Это являлось нарушением Устава, но Полю все-таки приняли одновременно с одноклассниками, учитывая ее заслуги. Бессменный редактор и единственный корреспондент школьной стенгазеты. Староста класса. Председатель совета дружины. Красный Крест, сбор макулатуры, подшефный детсад…. Она охотно впрягалась в любую общественную работу, и одноклассники всегда слушались ее, хотя Полина и была самой младшей, потому что пошла учиться в шесть лет.

На выпускном вечере ее наградили фотоаппаратом «Зоркий». В напутственном слове директор школы посетовал, что Поля решила учиться в далеком Ленинграде, а не в городском педагогическом техникуме. Но тут же добавил: «Как сказано в решениях партии, большому кораблю – большое плавание! Плыви, Зубровина, но не забывай, откуда ты начала свой общественно-политический путь!»

Она и не забывала. Очень долго Полине казалось, что однокурсники относятся к ней с легким пренебрежением. А как еще можно относиться к выскочке-провинциалке? Кроме того, она была самой младшей на курсе. И самой маленькой – на занятиях по физкультуре Полина стояла последней в шеренге. Однако и на стометровке, и на лыжне она всегда оказывалась первой среди девушек, да и многих парней обгоняла. И в партию она вступила раньше всех, заработав рекомендации не только на кафедре общественных наук, но и в подшефном ПТУ, где вела комсомольскую работу.

Первая свадьба на курсе – тоже ее. И родила она раньше всех своих подружек. И развелась тоже. В общем, во всем и всегда Полина Зубровина оказывалась впереди.

Жизнь сложилась именно так, как и планировала Полина еще в школе, если не считать несущественных различий. Например, она так и не стала партийным работником, но не по своей вине, а только по вине исчезнувшей партии. Зато вместо персональной «волги» Полина теперь ездила на собственном «ситроене». И у нее было все, что полагается иметь женщине в сорок лет. Хорошая работа. Квартира в центре. Дочь-студентка.

Двадцатый век остался позади. Вот уже и двадцать первый начался, и начался удачно для неё. Ведь она успела получить от жизни все, о чем когда-то мечтала. А вот Игорь Чернец, ее первый муж, судя по всему, имел гораздо меньше причин для подобных жизнерадостных выводов.

Он стоял под дождем на краю тротуара и безуспешно пытался остановить такси. Небритый, в потертой кожаной куртке, да еще и с бутылкой пива в руке, он явно не выглядел привлекательным клиентом даже для самого отчаянного таксиста.

Полина уже проехала мимо, но притормозила и сдала назад. Игорь не обращал внимания на черную респектабельную иномарку до тех пор, пока дверь «ситроена» не распахнулась прямо перед ним.

- Чернец! Тебе особое приглашение нужно? – спросила Полина.

Он изумленно уставился на нее и пробормотал:

- Вот так номер!

- Садись, я тороплюсь.

Игорь оглянулся и метким броском отправил недопитую бутылку в урну. Прежде чем сесть в машину, он тщательно вытер ноги об асфальт.

- Куда тебя подбросить? – спросила Полина.

- Туда, где сухо и светло.

- Значит, до метро?

- Малыш, не обращай на меня внимания, - сказал он, ощупывая дверь. – Как тут стекло опускается? Не хочу портить своим выхлопом твою атмосферу.

Он нашел нужную кнопку, и стекло немного опустилось.

- Ты поезжай, куда тебе надо, а я по дороге выйду.

- Мне никуда не надо, - сказала Полина. – Я просто хочу попить кофе где-нибудь.

- А дома нельзя?

- Дома нет пирожных. И возиться неохота. Хочется, чтоб тебя обслужили. Нет, кофе надо пить в кофейне. Например, в итальянской. Знаешь, на Садовой?

- К сожалению, не могу составить тебе компанию, - сокрушенно развел руками Игорь. – Я кофе не пью. Только пиво.

- Я заметила.

Полина уже жалела, что подобрала его. Несмотря на открытое окно, салон быстро наполнился густым запахом перегара и табака. Человек, начинающий день с бутылки пива, вполне достоин того, чтобы мокнуть под дождем, а не сидеть в уютном кожаном кресле.

«Он всегда любил пиво, еще на первом курсе, - вдруг вспомнила Полина. – Когда я увидела его в первый раз, он нес трехлитровую банку пива».

Это было в колхозе, «на картошке». Свежеиспеченных первокурсников отправили помогать труженикам полей в битве за урожай. Девчонок поселили в клубе, парни ютились в бараке на другом конце села, и каждый вечер после ужина все встречались на развалинах церкви. Там можно было укрыться под высокими сводами от неизменного дождя, и музыка из транзисторного приемника усиливалась эхом от каменных стен со следами фресок.

Тогда, в колхозе, Полина еще плохо знала своих однокурсников. Но Игоря она приметила с первого же дня. Он демобилизовался весной, и ходил в солдатском бушлате и кирзовых сапогах, и она подумала, что этот парень из такого же провинциального городка, откуда приехала и Полина, и где ребят, отслуживших в армии, можно было узнать по защитным рубашкам, или длиннополым шинелям, или черным бушлатам.

Игорь был неразлучен с Венькой Юдинцевым, и тот выглядел гораздо импозантнее – польские джинсы, финские резиновые сапоги, югославская болоньевая куртка. Юдинцев курил сигареты с фильтром, а Чернец – «Беломор». Венька казался настоящим стилягой, а Игорь - шпаной из рабочего поселка. И Полина была безмерно поражена, когда спустя месяц увидела Веньку в студенческом общежитии. Столичный щеголь оказался уроженцем шахтерского поселка. А бушлат и сапоги Игоря Чернеца были выданы ему отцом-генералом. И жил Игорь в огромной квартире в двух шагах от Генерального Штаба.

Но тогда, в колхозе, она об этом еще не знала, и ей казалось, что они с Игорем – люди одного круга. В первый вечер он пришел с пивом, которое мальчишки купили вскладчину. Трех литров хватило на всех. Настроение поднялось настолько, что многие решились даже потанцевать под песни советских композиторов. В следующий раз танцы устроили только в самый последний вечер, накануне отъезда в город. А все остальные вечера проходили гораздо спокойнее, потому что давала себя знать накопившаяся усталость. Собравшись под сводами

церкви, студенты слушали радио, тайком пускали по кругу бутылочку портвейна, а потом Чернец расчехлял свою гитару.

Он начинал всегда с одной и той же песни. «Милая, ты услышь меня…». Со второй строчки ему начинали подпевать те, кто сидел рядом, а последний припев звучал в исполнении целого хора. Потом так же дружно все орали «Ой мороз, мороз», а дальше уже начинался концерт по заявкам. Игорь знал почти все песни, звучавшие тогда в эфире, а если и не знал, то легко подбирал на гитаре. Полине больше всего нравилось, когда он пел что-нибудь из Окуджавы. А вот Венька все время просил «сбацать рокенрол». И как только Чернец брал первые громкие аккорды, Юдинцев начинал кривляться и барабанить по пустому ведру. «Мы с тобой такую группу организуем, не хуже «Поющих гитар», только бы аппаратуру достать!» - мечтал Венька. И ведь организовал. Юдинцев всегда добивался намеченной цели. А Игорь, похоже, и целей никаких перед собой не ставил. Всю жизнь плыл по течению…

- Чем ты сейчас занимаешься? – спросила Полина.

- Починяю всякую рухлядь. Примусы, самовары, машинки системы Зингера.

- А если серьезно?

- Если серьезно, то починяю не всякую рухлядь. А только четырехколесную.

- То есть, занимаешься автосервисом? – уточнила Полина.

- Можно и так сказать.

- Хорошо зарабатываешь?

- Меньше, чем ты, судя по машине. Классный лимузин. Кажется, это последний из «Ситроенов» с такими угловатыми обводами. Нынешние уже все зализанные, все на одно лицо. А этот силуэт издалека отличишь.

Он сказал это без зависти. Скорее, его слова можно было расценить как комплимент, хотя и не самый удачный: роскошный «ситроен» выглядел старомодным дедулей среди других иномарок.

Полина свернула на набережную Мойки и остановилась.

- Здесь недавно открылась новая кофейня. Мне ее рекомендовали. Заглянем? Или ты пойдешь искать пивную?

Чернец задумчиво поскреб щетину.

- Знаешь, Зубровина, мне всегда казалось, что ты меня с кем-то путаешь. Ты оцени ситуацию. Встречаются два человека, которые знакомы двести лет. Они сто лет не виделись. Неужели им нечего сказать друг другу, кроме «привет», «как дела» и «до свидания»? В конце концов, у нас есть хотя бы одна общая тема для разговора. Я про Катюшку.

- Катя уже на четвертом курсе. У нее все прекрасно. На днях едет в Париж. Что еще? Ах, да. Собирается замуж.

- Не рановато?

- Забыл, что мы с тобой поженились на втором курсе? Мне ты таких вопросов не задавал.

- Малыш, тогда я вообще не мучился никакими вопросами, - усмехнулся Игорь. – Тогда у меня были сплошные ответы. А сейчас я стал старым, мудрым, осторожным.

- За Катю не беспокойся. Пока не получит диплом, никакой свадьбы не будет. И пусть сначала познакомит меня с избранником, а не поставит мать перед фактом, как мы с тобой сделали.

- Ты что-нибудь знаешь об этом избраннике?

- Судя по подаркам, человек приличный. Они ходят в театр, на джаз. Думаю, Катя не станет женой грузчика. У нее все в порядке.

- А у тебя?

- Как всегда.

- Понятно. Поговорили. Спасибо, что подвезла. – Он приоткрыл дверь. – Кстати, я знаю тут неподалеку отличный английский паб. В такую погоду душа просит темного пива.

Полине показалось, что он обиделся. Ей стало жалко его, и она попыталась задержать Игоря:

- Подожди, не убегай. У тебя найдется время, чтобы посмотреть одну машину?

- Для тебя у меня всегда найдется время.

- Не совсем для меня. Эльку Розальскую помнишь? Мы сейчас вместе работаем. У нее, кажется, «ягуар». Не очень новый, но вполне приличный. Посмотришь?

- У Эльки – «ягуар»? Девчонки, вы меня радуете. Ладно, подгоняйте машину ко мне в гараж. Дай бумажку, начерчу, как подъехать.

- Нет, ты не понял. Машина стоит у нас на работе. Не заводится. Мы вызывали мастера, но он ничего не сделал.

Чернец посмотрел на часы.

- Сегодня я уже не успеваю. Давай завтра, что ли.

- А почему не сегодня?

- Потому что сегодня я пью пиво.

«Не станет он возиться с нами, - подумала Полина. – Завтра у него появятся неотложные дела, а потом он снова исчезнет на десять лет».

- Что же, давай завтра, - сказала она, протягивая ему визитку. – Вот наши координаты. Если передумаешь, позвони.

Он спрятал визитку в портмоне и небрежно сунул его в задний карман джинсов.

- Не боишься, что украдут? – спросила Полина. – Чаще всего кошельки воруют как раз из заднего кармана.

- А ты откуда знаешь? – усмехнулся Игорь. – Но если и украдут, не страшно. Я запомнил адрес. Буду в одиннадцать.

«Не надо было останавливаться, - ругала себя Полина, глядя, как он уходит от нее под дождем. – И удерживать его не надо было. С чего это я вдруг вспомнила про Элькину машину? Неужели мне нужен был любой повод для новой встречи? Не будет никакой новой встречи. Он не придет. Он остался таким, каким был всегда. Безответственным, эгоистичным, черствым. Ну и пусть спивается потихоньку. Хорошо, что Катерина о нем ничего не знает».

Сидя в кофейне, она неторопливо смаковала невесомое пирожное, но почти не замечала вкуса. Встреча с Игорем заставила ее снова и снова возвращаться мыслями в прошлое.

Элька Розальская была солисткой в ансамбле, который организовал Венька Юдинцев. ВИА «Ровесник», гордость культурно-массового сектора, палочка-выручалочка на всех мероприятиях. Чернец играл на всех инструментах, и даже выучился исполнять на трубе несколько обязательных патетических вставок в песнях «патриотического» репертуара. А Венька был художественным руководителем, хотя не имел ни слуха, ни голоса, а единственным инструментом, с которым он неизменно выходил на сцену, был бубен. Ансамбль не только играл на танцах в студенческом клубе, но и успешно участвовал во всяких смотрах и конкурсах. Однако неугомонному и честолюбивому Юдинцеву хотелось большего. Он составил программу из песен композиторов социалистического лагеря. Эльке пришлось зубрить польские, болгарские и немецкие тексты, а Чернец взял на себя самую трудную работу – петь по-венгерски. В результате ВИА «Ровесник» опять занял первое место на очередном смотре, после чего горком комсомола рекомендовал его для поездки на форум прогрессивной молодежи.

В Берлин ансамбль отправился уже без Игоря, потому что он к тому времени ушел из института. Вопреки ожиданиям, замена ему нашлась легко: ансамбль усилили тремя студентами из консерватории и парой молчаливых звукооператоров, которые после зарубежной поездки больше не появлялись.

Да, Игорь никуда не поехал, но это его совершенно не расстроило. Полина тогда была на девятом месяце, Игорь работал грузчиком в багажном отделении аэропорта, надеясь заработать на кооперативную квартиру. Первое время молодожены жили с родителями. Полина поначалу боялась их, но смогла быстро подстроиться под строгий распорядок, царивший в генеральской семье. И отец, и мать Игоря относились к ней, словно к родной дочери. И когда они уехали в Москву, где генерал получил новый пост, Полина вовсе не радовалась тому, что стала полновластной хозяйкой.

Наверно, если бы родители не уехали, все могло бы сложиться иначе. Не было бы этих непрерывных гулянок, когда чуть ли не весь курс собирался у них. Причем по любому поводу. Рождение Катюшки. Годовщина свадьбы. День танкиста. День артиллериста. 85 лет Первого съезда РСДРП. Чей-то день рождения. Еще один день рождения. Начало сессии. Окончание сессии. И тысяча других причин для того, чтобы собраться, напиться, наораться до хрипоты, накружиться в танцах под тихую музыку в темной комнате…. Заснувших укладывали поперек роскошной «трехспальной» кровати, некоторые предпочитали спать на ковре в кабинете, а Венька с Игорем и еще парой отчаянных спорщиков так до самого утра и торчали на кухне, решая вопросы мировой политики.

Полина предчувствовала, что эти сборища до добра не доведут. Так и вышло. Однажды ей показалось, что Игорь слишком часто приглашает на танец Эльку Розальскую. Потом Элька перестала оставаться на ночь, и Игорю, исполняя обязанности гостеприимного хозяина, приходилось провожать ее до Васильевского острова. Наконец, наступила та ночь, когда Игорь позвонил домой и предупредил, что задержится, потому что мосты развели. Но домой он вернулся только вечером. Оказывается, ему прямо от Розальской пришлось ехать в аэропорт на работу… Полина сделала вид, что поверила. Она была выше недостойного чувства обывательской ревности. Но приняла меры. Сначала под предлогом Катиной болезни, а потом и просто так, безо всяких объяснений Полина уже не позволяла друзьям собираться в ее доме. А когда к ней в Ленинград переехала мама, чтобы заботиться о внучке, то веселая компания окончательно распалась.

И чего она добилась? Отношения с Игорем испортились. Он приходил с работы усталый и злой, от него все чаще пахло спиртным. Когда он работал в ночную смену, Полина иногда звонила в багажное отделение, и бывало, что Игоря не оказывалось на месте. А потом ей и вовсе сказали, что грузчик Чернец давно уволился. И снова она сделала вид, что ничего не знает. А он продолжал куда-то уходить, то с утра, то в ночь, соблюдая график работы, которой у него уже не было. Куда он уходил? Догадаться нетрудно. Естественно, что он стал приносить все меньше денег в дом, да и откуда им взяться, деньгам, если тебя уволили?

Полина ждала, что он сам ей все расскажет, но Игорь молчал и делал вид, что у него все в порядке. В конце концов он пропал куда-то на три дня. Полина, вернувшись с работы, застала его дома. Он укладывал чемодан. Она молча разделась, прошла в кухню, заварила кофе. Она ждала, что он сам все расскажет. Но Игорь не стал ничего рассказывать. «Мне надо пожить одному», - сказал он, собравшись. Полина молчала. «Ты можешь говорить обо мне все, что угодно. Чем хуже, тем лучше», - добавил он, стоя с чемоданом на пороге. Она не ответила. Да и что она могла ответить? «Когда все уладится, я вернусь», - сказал он неуверенно. И тут Полина не выдержала. «Можешь не возвращаться. Без тебя справимся», - бросила она.

Он ушел, и не вернулся, и она прекрасно справилась без него. Вместе с мамой они вырастили Катюшку. От Игоря время от времени поступали какие-то деньги. То почтовый перевод из незнакомого города, то Венька передаст пухлый конверт. Каждый раз Полине приходилось переступать через собственную гордость, принимая эти подачки. Она и сама тогда неплохо зарабатывала, да еще и стипендию получала.

Больше всего ее поразило, что Элька вела себя так, словно ничего не случилось. Она продолжала дружить с Полиной и ни разу не поинтересовалась, куда пропал Игорь. В кругу

однокурсниц подразумевалось, что Зубровина сама выставила мужа из дома за какие-то прегрешения, о которых лучше не спрашивать.

Венька Юдинцев знал немного больше остальных. Он сам проводил Игоря на самолет, улетавший в Мурманск. А потом иногда встречался с ним, когда Чернец наезжал в Питер. От Веньки Полина знала, что Игорь какое-то время работал водителем на Севере. Потом, когда начались перемены, занимался перегоном иномарок. Венька и теперь поддерживал связь с Игорем, но уже давно ничего не рассказывал Полине о нем. Да она и не спрашивала.

Катя так и выросла без отца. Полина со страхом ожидала, когда же дочь спросит – «Где папа?». Но дочке, наверно, вполне хватало матери и бабушки с дедушкой. А что нет папы, так его не было и почти у каждой из Катюшиных сверстниц. Обычное явление…

Вспомнив о дочери, Полина достала из сумочки телефон. Ее немного беспокоило то, что Катя до сих пор не позвонила. С того времени, как дочка уехала в санаторий, она звонила каждое утро. «У нас все в порядке, а у тебя? Мы сегодня катаемся на яхте. Не скучай, мамашка». Этот короткий утренний разговор стал у них привычным и необходимым ритуалом, без которого Полина чувствовала себя неуютно и одиноко.

Телефон зазвонил, как только Полина собралась набирать номер. Но вместо голоса дочери она услышала Эльку.

- Ты приедешь сегодня в офис? – спросила Розальская.

- Могу приехать. А что случилось?

- Клиенты замучили. Опять эти колдуны пристают. Приезжай, а то мне одной с ними не справиться.

2.

Свернув с набережной под арку старинного особняка и оказавшись в просторном дворе, Полина сразу поняла, что сегодня ей предстоит тяжелая работа. На том месте, где она привыкла оставлять свой «ситроен», стояла красная «волга» народной целительницы Глафиры, самой давней и самой капризной клиентки.

Культурный Центр «ЭЛПО» получил свое название от основательниц – Элеоноры Розальской и Полины Зубровиной. По правде говоря, им бы вряд ли удалось открыть свое дело, если бы не помощь Веньки Юдинцева, но для его инициалов не нашлось места в ярком и звучном логотипе. Первым крупным проектом «ЭЛПО» стала раскрутка Глафиры. Эта милая старушка в сарафане и пуховом платке собирала огромные толпы страждущих в кинотеатрах и клубах. Людей привлекали два обстоятельства – бесплатный вход и надежда на исцеление. Целебные фотографии Глафиры продавались прямо в зале, скромные девушки в черном разносили их вместе с упаковками алтайских и памирских трав.

На оздоровлении народных масс Полина и Элька заработали свой первый миллион и свою первую войну с бандитами, которые хотели отщипнуть от этого миллиона добрую половину. По счастью, Венька тогда все уладил, но в дальнейшем КЦ «ЭЛПО» уже не брался за такие шумные проекты. Вот организовать гастроли японского дирижера, провести вечер авторской песни или вывезти на Лазурный берег симфонический оркестр – это другое дело. Неплохой доход приносили также разнообразные фестивали и юбилеи. Как раз сейчас завершалась подготовка грандиозного торжества: тридцатилетие владельца топливной компании. Этот праздник по своим масштабам ни в коем случае не имел права уступить юбилею другой топливной компании, которая смогла арендовать музейные площади и устроить натуральный дворянский бал. Естественно, все творческие силы Культурного Центра были брошены на то, чтобы переплюнуть конкурентов. И вот, в такой ответственный момент, появляется бабка Глафира со своими предложениями, от которых невозможно отказаться.

- Девоньки, ну как же так? – недоумевала целительница, дымя сигаретой в длинном янтарном мундштуке. – Я же ни к кому не обращаюся, только к вам, вы ж мои родненькие, вы ж пробивные, у вас все ходы-выходы забронированы. Как же вы мне отказываете?

Полина села рядом с ней на диван и сказала доверительно:

- Да разве мы можем вам отказать? Мы, наоборот, хотим, чтобы все получилось как можно лучше. Дилетанты могут все сделать быстро и дешево, но какая будет отдача? Вы же понимаете, мы проведем ваш фестиваль не как разовое мероприятие. От него должна быть отдача. Все участники должны завязать новые контакты, получить достойную рекламу. Фестиваль станет для них хорошей стартовой площадкой. Правильно?

Глафира кивнула, но смотрела на Полину недоверчиво, наклонив голову по-птичьи и отставив мундштук, чтобы дым не лез в глаза.

- Но отдача от фестиваля будет только в том случае, если он состоится как культурное событие. Причем событие в жизни не только города, но и всего региона, - важно продолжала Полина. – Ну, сами представьте, что может получиться, если мы провернем его как заурядное мероприятие. Приедут люди, соберутся, поговорят и разъедутся. А дальше что? Дальше – ничего. Как будто и не было фестиваля. Нравится вам такой вариант?

- Да мне любой вариант нравится, только бы поскорее. Только бы успеть к тринадцатому числу. Тринадцатого августа. Неужто вы за неделю не управитеся?

- За неделю? – Полина покачала головой. – Давайте посчитаем. Самый простенький фестиваль состоит из трех-четырех мероприятий: встреча участников, конференция, концерт, ужин. Значит, надо организовать проживание, обратные билеты, аренду концертной площадки,

распечатку материалов… Полиграфия отнимет не меньше двух недель – эскизы, закупка бумаги, распространение. Добавьте размещение рекламы. Добавьте артистов, а у них свои графики, это тоже придется согласовывать и подгонять. Представляете объем работ? Нам нужен месяц, не меньше.

- А нам нужно, чтобы тринадцатого августа, - капризно повторила Глафира. – Девоньки, нам бы поскромнее что-нибудь. Мы все сами сделаем, а с размещением не беспокойтеся, как-нибудь пристроим людей, и без концертов тоже обойдемся, нам бы поскромнее, но чтобы тринадцатого августа…

- Тетя Глаша, я вас понимаю, - улыбнулась Полина, призвав на помощь все свои запасы терпения. - Давайте вместе подумаем, что можно сделать. Вот наш график. Десятое августа – консерватория, мастер-класс. Двенадцатое – фестиваль воздушных змеев. Пятнадцатое, шестнадцатое, семнадцатое – выезд в Ярославль с коллективами этнического джаза. Первое сентября, второе, третье – вечера первокурсника. Видите? Это все уже готовые и проплаченные акции. Мы можем параллельно с ними готовить ваш фестиваль. Но просто физических возможностей не будет, чтобы втиснуть его в тринадцатое августа. Может быть, вас устроит седьмое или десятое сентября?

- Нас устроит тринадцатое августа, - жалобно пропищала Глафира, на глазах превращаясь в столетнюю старуху, брошенную всеми родственниками где-то на сибирском полустанке. – Девоньки, что вы мне все одно и то же повторяете? И Элечка мне этот график в нос тыкала, и Полиночка то же самое тычет. График – дело хорошее. Но люди-то уже собираются понемногу. Уже приехали некоторые. Они долго ждать не могут, им всем работать надобно. Вы уж пойдите нам навстречу, родненькие…

Полина беспомощно оглянулась, и Элька молча пожала плечами. Этот разговор тянулся с самого утра, снова и снова возвращаясь к заколдованной дате.

Предложение Глафиры было, как всегда, заманчивым по размерам оплаты и несложным для исполнения. Мероприятие под рабочим названием «Русская чародейка». Что-то вроде всероссийского слета ударниц в области народной медицины – знахарок, ворожей, прорицательниц и колдуний. Если бы старушка обратилась к Полине хотя бы в начале лета, ее заказ был бы выполнен на высшем уровне. Но сейчас она ставила нереальные условия.

- Я вижу такое решение сложившейся ситуации, - сказала Полина Зубровина. – Давайте увидимся завтра. Нет, лучше позвоните. Итак, завтра утром мы ждем вашего звонка. Если к тому времени вы не найдете других исполнителей для вашего проекта, то позвоните нам. И тогда мы дадим вам окончательный ответ. Договорились? Завтра ждем вашего звонка примерно в полдень.

Глафира раздавила сигарету в пепельнице.

- Упрямицы вы мои, неразумницы. Выгоды своей не видите. Позвоню, позвоню, не сомневайтеся. И никого другого искать не подумаю. У меня карточки новые есть, возьмете на реализацию?

- Нет, спасибо, мы этим больше не занимаемся, - быстро ответила Элька.

- А вот еще песочек животворный, - не унималась старушка, достав из сумочки ярко раскрашенные бумажные пакетики. – Типа чая. Опускаете в стакан, читаете заговор и через полчаса выпиваете. Та вода, что из крана, она ж ведь несет отрицательную информатику. А мой песочек животворный очищает ее тонкий план. Получается живая вода. Пропивая в день два-три литра живой воды, человек получает позитивную установку. Вот, я вам оставляю десяток мешочков, бесплатно. Понравится, возьмете по оптовой цене. Элечка, дай стаканчик водички.

Она зубами надорвала пакетик и высыпала черный порошок в стакан.

- Один пакет рассчитан на полтора литра воды. Просто в кувшинчик высыпаете и пьете. Попробуйте. Ну?

Элька отпила глоток и передала стакан Полине. Вкус воды никак не изменился от присутствия животворного песочка.

- Вкусно? – торжествующе спросила Глафира. – Вот то-то и оно. А еще помогает почки прочистить. Пейте на здоровье, вспоминайте мою доброту.

Глафира нацепила на крючковатый нос черные очки и поправила седые локоны перед зеркалом.

- Значит, договорились. Завтра все обговорим. Я к вам нашего топ-менеджера подошлю, Ардалиона. Он мужичок головастенький, вы с ним быстро столкуетеся.

Полина и Элька долго стояли у окна, наблюдая, как пунцовая «волга» разворачивается и выползает со двора. Только когда шум ее мотора затих, слившись с гулом улицы, Элька перекрестилась и выдохнула:

- Слава Богу, уехала. Натуральная вампирша. Всю кровь из меня выпила. Хорошо, что ты помогла, я уже на все была готова.

- Сто раз тебе говорила, без меня не начинай переговоров с заказчиками, - раздраженно сказала Полина. – Твой контингент – артисты, вот с ними и работай.

- Не могла же я ее выгнать!

- Могла, могла. Сказала бы, что ты ничего не решаешь, а я застряла в ОВИРе, и всё. Таких душных заказчиков надо отфутболивать сразу.

Элька обиженно поджала губы и села к компьютеру. За годы совместной работы она так и не переняла от Зубровиной хотя бы элементарные навыки административной борьбы. Впрочем, со своими обязанностями она справлялась прекрасно. Покрутившись десяток лет в мире шоу-бизнеса, Элька обзавелась крепкими связями. Многие «звезды» охотно принимали ее предложения подработать, зная, что она не обманет с гонораром и создаст все необходимые условия. А без участия звезд сейчас не обходилась ни одна акция, и даже на детский утренник иногда приходилось вытаскивать кого-то из тех, кто мелькает в телевизоре.

Нет, Элька не заслужила обиды, и Полина почувствовала себя виноватой.

- А знаешь, кого я сегодня встретила по дороге? Игоря.

- Кто такой Игорь? – равнодушно спросила Элька, не отрываясь от компьютера.

- Чернец.

- Да? Он в городе?

- Представь себе. Занимается автосервисом. Я сказала ему про твой «ягуар». Возможно, Игорь его завтра посмотрит.

- Какой «ягуар»?

- Который ржавеет во дворе.

- Это БМВ.

- Какая разница, - махнула рукой Полина. – Все равно Чернец не придет. Ты же его знаешь. Одни пустые обещания.

- Посмотри, так лучше? –Элька отодвинулась от стола, чтобы Полина смогла рассмотреть картинку на мониторе.

- Что это?

- Афишу набросала для Глафиры. Хорошо бы еще воткнуть куда-нибудь Гарри Поттера, да? В косоворотке, лаптях, стриженого под горшок, да?

- Не трать время. Не будем мы с ней связываться.

Розальская запустила пальцы в пышные рыжие волосы, свела их на затылке и задумалась, откинувшись на спинку кресла.

- Ой, Линка, не знаю, не знаю…

- Что тебя смущает? Сейчас я свяжусь с кем-нибудь, переведу бабульку на Симу из Ленконцерта или на «Арт Маркет». Пусть девчонки немного денег заработают.

- Не знаю, не знаю… А если никто не возьмется?

- Это уже не наша проблема, - отрезала Полина. – Ты режиссеру звонила? Когда он обещает генеральную репетицию?

- В четверг.

- Что у нас еще намечено на сегодня?

Элька неохотно раскрыла ежедневник, и они занялись обычной работой – звонки, разговоры, переговоры, уговоры… Секретарша была отправлена за пиццей и бананами, и Полина засиделась в офисе до самого вечера. Только когда против последней строки в графике работ была поставлена галочка, Полина вспомнила, что так и не поговорила сегодня с дочерью.

-Опять Катерина куда-то пропала, - пожаловалась она. – Наверно, все еще катается на яхте.

- Так позвони, узнай.

- Нет. Она обещала звонить каждый день, пусть выполняет обещание.

- Она общается с Игорем? – спросила Элька.

- Нет. Зачем?

- Ну, все-таки отец. Неужели он за все это время не пытался ее увидеть?

- Вот такой он отец, - ответила Полина. – Однажды только завел разговор на эту тему. Катя тогда в четвертом классе была. Приехал под самый Новый год на джипе, с елкой, с мешком подарков. Наверно, рассчитывал увидеться с ней. А я ее в зимний лагерь отправила на каникулы.

- Помню, - улыбнулась Элька. – В тот год мы собирались у тебя, и елка была роскошная. Мы ее наряжать закончили чуть ли не без пяти двенадцать. Так вот откуда была елочка… Что же он тогда не остался?

- Думаешь, ему не с кем было встретить Новый год?

- Он женат?

- Понятия не имею.

- Да, интересно будет на него посмотреть, - продолжала улыбаться Элька. – Как он, сильно изменился или все такой же?

- Не обратила внимания. Не успела разглядеть. – Полина насмешливо похлопала подругу по руке: - Поручаю эту миссию тебе. Меня завтра не будет, а ты постарайся разглядеть его получше. Потом поделишься впечатлениями. Да только я почему-то уверена, что он не приедет.

3.

В деловом блокноте Игоря Чернеца против каждой записи стояли разноцветные пометки. Например, зеленая звездочка означала, что выполненная работа будет оплачена в долларах, а красный крестик предупреждал о срочности заказа. Были и другие значки. Написав на чистой странице: «6 августа, КЦ ЭЛПО, ягуар для Малыша», Игорь украсил поля орнаментом из сердечек. Таких пометок его блокнот еще не знал.

Привычка украшать поля любого документа выработалась у него давно, еще на первом курсе университета. Иногда эти галочки и восклицательные знаки нужны были, чтобы выделить важную мысль. Но гораздо чаще перо Чернеца резвилось на полях исключительно от скуки. И чем нуднее была лекция, тем изощреннее становились узоры, обрамляющие страницы конспекта: серп и молот символизировали историю КПСС, а эллинистические прямоугольные волны – древнегреческую философию.

В этой прикладной графике студент Чернец поупражнялся недолго. Не закончив и первый курс, он прямо из длинных коридоров Ленинградского университета перебрался в менее комфортабельное здание, а именно в казарму учебного подразделения в узбекском городе с воробьиным названием Чирчик. Ему и там пришлось конспектировать, но времени на узоры не оставалось, да и лекции были гораздо более интересными. Только в тетради для политподготовки остались рисунки, в аллегорической форме представляющие коварные замыслы империализма и рост благосостояния советского народа.

Его художества не остались незамеченными, и, попав в часть, младший сержант Чернец преуспел сначала в оформлении Ленинской комнаты, а потом и в работе со штабными картами. Тесное общение с офицерами обогатило его словарный запас и неизмеримо расширило представления о жизни. К концу службы Игорь даже был польщен, когда начальник штаба предложил ему поступить в институт военных переводчиков. Все необходимые документы для этого были готовы, и Чернец уже написал отцу, чтобы тот провел разъяснительную работу с мамой, прежде чем она узнает об изменениях в карьере сына. Но тут в его планы вмешались какие-то бюрократические неувязки. Сержант Чернец был отправлен в запас и вместо восточных языков принялся изучать педагогику в одноименном институте.

Необходимо уточнить, что Игорь выбрал пединститут вовсе не из любви к чужим детям, а только по воле роковых обстоятельств. Беспечно прогуливаясь у Казанского собора, он увидел, как из троллейбуса высыпала стайка абитуриенток под командованием миниатюрной блондинки с зелеными глазами. Он даже не сразу понял, что случилось. Это было похоже на вспышку зеленой молнии из-под золотого облака. Девчонка скользнула по нему невидящим взглядом и громко скомандовала: «Не разбредаться! Кто потеряется, встречаемся у памятника Кутузову в пятнадцать ноль-ноль!». Надо ли говорить, что ровно в четырнадцать сорок пять Игорь Чернец занял наблюдательный пост? Он дождался, когда абитуриентки соберутся и снова погрузятся в троллейбус № 17, и проехал вместе с ними до самого общежития в Студгородке, где базировались девчонки вместе со своей командиршей, которую все называли по фамилии, Зубровиной.

Он мгновенно разработал оригинальный и безотказный план знакомства – и блестяще воплотил его в жизнь. Подать документы и выдержать вступительные экзамены было нетрудно. Гораздо труднее оказалось попасть в одну группу с Зубровиной. Но все сложилось именно так, как он рассчитал.

Игорь и сам не понимал, зачем он все это затеял. Не станешь же объяснять всем, что ему просто хотелось каждый день видеть рядом с собой эту хрупкую непоседу и слышать ее низкий грудной голос. Хотелось видеть ее улыбку, но это уже была почти недостижимая роскошь, потому что Полина Зубровина оказалась девочкой серьезной и даже строгой.

Она никогда не опаздывала на свидание больше, чем на полчаса, и он не имел права сердиться на нее. Став видным общественным деятелем факультета, комсорг Зубровина с трудом выкраивала время для личной жизни. Они встречались тайком, где-нибудь на Театральной площади или на Петроградской стороне, подальше от тех мест, где можно было наткнуться на однокурсников. Бродили допоздна, сидели на последних сеансах в полупустых кинозалах. По выходным родители уезжали на дачу, и тогда Полина ночевала у Игоря. Однако в воскресенье утром она не позволяла ему проводить ее даже до метро. Полина всегда преувеличивала значение репутации, но Игорь остерегался шутить на эту тему. Он знал, чего она боится. Вот они погуляют-погуляют, потом расстанутся. И все будут говорить: «А, Зубровина? Та, которая ходила с этим гитаристом?». Наверно, он и ошибался, но проверять свои предположения не стал. Вместо этого он просто сказал однажды: «Как насчет того, чтобы пожениться? Я тебя люблю. Я хочу, чтобы ты жила в моем доме и воспитывала моих детей. По-моему, это хорошая идея». «Я подумаю», спокойно ответила Полина, и через неделю они подали заявление в загс.

И с этого времени конспекты студента Чернеца снова стали заполняться не текстами, а рисунками. Теперь он мог видеть Полину каждое утро, и для этого не нужно было приходить в институт. Достаточно было просто открыть глаза. И даже с закрытыми глазами он знал, что она рядом, под рукой, посапывает и улыбается во сне, и ее льняные волосы щекочут ему ухо…

Все получилось именно так, как и планировалось. Он не задержался в пединституте. Надо было кормить семью, и Чернец ушел в грузчики. Но студенческие привычки оказались неискоренимы, и даже сейчас, спустя двадцать лет, в его деловых блокнотах снова мелькали то орнамент из серпов и молотков, то эллинистические волны… А сегодня вот появились сердечки. Что бы это значило?

Не нужно быть Зигмундом Фрейдом, чтобы дать верное толкование этому подсознательному творчеству. Увидев Полину, Игорь снова, в который уже раз, понял, что по-прежнему влюблен в нее. Ему казалось, что она ничуть не изменилась за эти годы. Только стала еще красивее.

Так бывало каждый раз, когда он видел ее. Первая разлука длилась три года. Игорь вернулся с севера, забросил вещи к Веньке и помчался к своему дому, где теперь жила Полина. Он не решился даже войти, и сидел в кафе на другой стороне улицы, выжидая. Полина появилась через час. Она вышла из подъезда и остановилась на тротуаре. Глядя на нее через мокрое стекло витрины, Игорь растерялся. Никогда еще она не казалась ему такой красивой и недоступной. Он не успел встать из-за столика, как подъехала черная «волга», и Полина села в нее. Тогда она уже работала в райкоме комсомола, и знакомый водитель, живший по соседству, подбрасывал ее по утрам. Но Игорь этого еще не знал, и в тот момент чуть не умер от приступа ревности.

Все эти годы он видел ее гораздо чаще, чем она могла бы подумать. И ее, и дочку. Первого сентября он всегда караулил возле школы, чтобы увидеть Катюшу с букетом. Игорь видел, как растет и на глазах меняется дочь, становясь похожей то на него, то на Полину. Катя менялась с каждой встречей, а вот Полина – нет. Она и сейчас была так же красива, как двадцать лет назад. И говорила с ним так же холодно и отчужденно. Впрочем, Игорь и не рассчитывал на снисхождение.

Но вчера ему показалось, что в голосе Полины появились более теплые нотки. Она сама остановилась перед ним, хотя он старательно делал вид, что не замечает ее «ситроена». Может быть, ледяное сердце комсорга Зубровиной чуть-чуть оттаяло? Во всяком случае, теперь у Игоря появился вполне законный повод снова увидеться с ней. Именно поэтому на странице блокнота появилась одна-единственная запись, а все другие дела, намеченные на этот день, были безжалостно отодвинуты на неопределенный срок.

Он приехал к офису Культурного Центра ровно в одиннадцать, как и обещал. Но, остановившись во дворе, подумал, что или ошибся адресом, или Зубровина что-то перепутала, как всегда.

Игорь вышел из своего «уазика» и огляделся. В углу двора, под чахлым тополем, стояла запыленная «семерка»-БМВ. У входа в офис припарковалась новенькая вазовская «десятка». Ни обещанного «ягуара», ни зубровинского «ситроена» во дворе не было.

Хлопнула дверь, и из офиса вылетела Элька Розальская.

- Гошка!

Он едва успел развести руки, улыбаясь, как толстушка повисла у него на шее.

- Пропащий, холера, почему не появлялся? Трудно было позвонить?

- Ну, пани Розальская, извините, что пришел без звонка. Вы тут всех принимаете по предварительной записи?

- Балбес! – Она боднула его в грудь. – Гошка, как я рада тебя видеть. Хорошо, что Линки нет, хоть обниму тебя покрепче.

- А где она?

- Откуда ж мне знать? Начальство не докладывает. Пойдем, я тебя таким кофейком угощу, закачаешься.

Она потянула его за руку, но Игорь остался на месте, посмеиваясь. Элька всегда была склонна к некоторой пышности форм, и всегда страдала от этого, изводя себя диетами, йогой и тренировками. Эстрада не терпит толстяков, а голос не терпит худобы – и как прикажете вокалисту распутывать эдакое противоречие? Теперь же, когда Розальской уже не требовалось соответствовать канонам эстрадной моды, она стала тем, кем ей и было предназначено стать – обаятельной жизнерадостной толстушкой.

- Ну что ты стоишь? Хотел *ее* увидеть, да?

- Она сказала, что у тебя «ягуар» барахлит.

- Зубровина в своем репертуаре, - Элька скорчила скорбную гримасу. – Если бы она сказала «роллс-ройс», я бы не удивилась. Нет, Гошка, до ягуара мы еще не доросли. Скорее всего, она имела в виду мою «бомбочку».

Игорь оглянулся на БМВ.

- Так это твоя? «Семь-пятьдесят»? Ты что, получила наследство? Или заморочила голову несчастному олигарху?

- Да нет, все гораздо проще. Так с нами иногда расплачиваются. По бартеру. Полина твоя «ситроен» отхватила, теперь горя не знает. А я – жертва собственного тщеславия и недобросовестной рекламы. Даже ни разу не поездила. Как пригнали машину во двор, так с тех пор и стоит.

- Можно глянуть?

- Нет! - Элька яростно мотнула головой и откинула волосы с лица. – Меня вполне устраивает моя «десятка», а это немецкое чудище пускай стоит тут для красоты. Лучше давай выпьем по чашечке кофе, и ты мне всё-всё про себя расскажешь. Где был, что делал, и почему вообще исчез, и что нужно, чтобы ты больше не исчезал. Потом я тебе расскажу всё-всё про нас с Полиной. Я требую общения, понял?

- Одно другому не мешает, - сказал Игорь, сбросив куртку на капот «уазика» и засучивая рукава. – Я посмотрю твою тачку, а ты будешь стоять рядом и общаться. Неси ключи и все документы. Тебе ведь наверняка дали такой толстый альбом с картинками.

- Как ты изменился, - вздохнула Розальская. – Деловой стал, да? А я-то ждала, надеялась и верила… Альбом валяется под сиденьем. Ключи в замке. Мастер даже делать ничего не стал. Только повздыхал и посоветовал обращаться в фирменный автосервис. И еще сказал, что здесь нужен электронщик, а не механик. По-моему, здесь нужен хороший тягач, чтобы утащить это

сокровище подальше. Я бы давно так и сделала, если б не имидж. Когда клиенты видят такую машину под окнами офиса, они становятся более покладистыми.

Слушая Эльку, Игорь поднял капот «семерки» и расстелил поверх крыла мягкий коврик, чтобы не поцарапать краску. Он всегда начинал осмотр машины с изучения предохранителей. Сейчас Чернец не удивился, увидев под крышкой блока самодельные «жучки» - обычно хозяева таких дорогих автомобилей любят экономить на мелочах.

- Принеси, пожалуйста, ватку и жидкость для снятия лака, - попросил он.

Когда-то ему довелось совершить автопробег по Европе на такой же «семерке». С тех пор Игорь Чернец был уверен, что человечество еще нескоро изобретет что-нибудь более совершенное, чем БМВ-750i в кузове Е-32.

Прибежала запыхавшаяся Элька.

- Странная у тебя методика ремонта, - насмешливо сказала она. – Может, еще и губная помада понадобится?

- Иногда и такое бывает, - ответил Игорь, поочередно вынимая предохранители из гнезд. – Губная помада может заменить смазку. Кстати, ты так и не рассказала, откуда у тебя эта «семерка».

- Да от арендаторов. Мы им сдавали весь первый этаж, они затеяли ремонт, перекопали весь двор, в подвале все коммуникации собрались менять, даже на чердаке все разворошили, а потом исчезли, представляешь? Задолжали нам больше тридцати тысяч американских рублей. Оставили свою машину как залог. Мы кое-как ликвидировали последствия, а они так и не появились. Потом позвонил их юрист, и мы все уладили. «Бомбочка» осталась у нас, и больше эти ребята с нами не связывались.

- А что за ребята?

- Какая-то охранная фирма. Их сейчас много развелось.

Чернец заменил все предохранители, аккуратно протерев контакты. Еще раз полюбовался моторным отсеком и закрыл капот. Сел за руль, подвигал упругие рычаги, подгоняя кресло под себя. Повернул ключ.

Засвистел стартер, и мощно рявкнули все двенадцать цилиндров.

- Вот мы и проснулись, - проговорил Игорь ласково.

Он вдавил педаль в пол и тут же отпустил, слушая, как на мгновение изменился тон двигателя.

- Вот мы и согрелись… - Чернец подмигнул окаменевшей Эльке. – Какой голос, слышишь?

- Как… Как ты это сделал? Что за фокусы?

- Ловкость рук. Садись, покатаемся.

- Не могу. Сейчас будут важные звонки. Честно говоря, мне на эти звонки совсем не хочется отвечать. Так что ты меня не соблазняй, я могу легко поддаться.

- Ну так поддайся. Погода хорошая, когда еще так все совпадет?

- Нет, Гошка, не терзай ты мое слабое сердце. Работа есть работа. Полина, хитрюга, переложила на меня самую гадкую обязанность. Сейчас позвонит очень душный клиент, я должна ему отказать в мягкой форме. А вдруг он в мягкой не понимает?

- Давай я сам с ним поговорю, - предложил Игорь. – Сначала в полумягкой форме, а потом в жесткой, хочешь?

- Нет, - вздохнула она. – С этими колдунами придется говорить мне. И все-таки, я не понимаю, как ты это сделал? Машина стояла, мертвая, как ленинский броневик на Финляндском вокзале. А ты пришел, хвостиком махнул, и готово! Ты же гений! Я всегда говорила, что если человек талантлив, то он талантлив во всем. Всё, выключай, теперь-то ты не отвертишься от кофе!

Игорь с сожалением выбрался из машины и направился за Розальской.

- Вот какие у нас апартаменты, - говорила Элька, распахивая перед ним двери. – Целый особняк занимаем. Он нам тоже достался по бартеру. Юдинцев хотел разместить тут пресс-центр Игр Доброй Воли, но не получилось. Говорят, место неудобное, парковки нет, и от центра далеко. А нам нравится. Вот доделаем ремонт, будем сдавать помещения. Хоть появится какая-то прибавка к нашим нищенским доходам.

- Да, вопиющая нищета, - заметил Чернец, разглядывая картины, висевшие на стенах длинного коридора. – Живопись, как я понимаю, тоже не покупная? С вами все расплачиваются натурой?

- Ой, Гошка, разве это живопись? Мазня студенческая. В Академии художеств все закутки забиты такими работами. Нам пришлось потратиться только на рамы. Хочешь, я тебе тоже дам штуки три из нашей коллекции?

- Э, нет, у меня все расчеты исключительно в рублях.

- Садись вот сюда, на диванчик, - хлопотала вокруг него Элька. – Мы раньше больше зарабатывали. Знаешь, что такое «откат»? Спонсоры выделяют миллион на благотворительность, мы обналичиваем и возвращаем им половину. Ну, не половину, наверно. Но это неважно. Важно, что теперь налоговое законодательство поменялось, и нам приходится самим выкручиваться, без спонсоров. Слушай, а у тебя сохранились старые наши вещи?

- Какие вещи?

- Сценарии всякие, стишки, песни, все наши хохмочки, помнишь? Ода Брежневу, сценарий съезда хлопкоробов Алабамы?

- Где-то у Полины должны валяться. Я с собой не взял никаких бумажек. А зачем вам?

- Ну, как это зачем? Сейчас такой продукт очень высоко котируется. Это же смешно. Смешные вставки в любой текст повышают его стоимость раза в три. Даже в серьезных журналах сидят специальные люди, которые только этим и занимаются – придумывают разные шуточки, которые оживляют их убогую рекламу. Гошка, бросай ты свой автосервис, работай с нами!

- Боюсь, твое начальство будет возражать.

- Не бойся. Хочешь попробовать живой воды? – Она показала на хрустальный графин.

Игорь увидел на дне графина слой черного песка и отказался:

- Спасибо, не надо. Слышал я про эту настойку на кремне. Помогает при импотенции, примерно так же, как алебастр. Нет, спасибо, мне еще рано такое пить.

- Балбес! Это очень полезная штука. От почек помогает и вообще… Нам с Линкой нравится.

Потягивая кофе, Чернец не переставал улыбаться, слушая Эльку. Она была искренне рада встрече, и ему не хотелось расстраивать ее быстрым уходом. Но задерживаться здесь он тоже не собирался. Дело сделано, Полины здесь нет. Этого следовало ожидать. Ей от него ничего не нужно. Да и с чего это он вдруг посмел надеяться на какие-то перемены к лучшему? У Полины своя жизнь, она ей вполне довольна, и в этой жизни, похоже, нет места для Чернеца. А если ему что-то показалось, послышалось, почудилось, то это проблема его психики.

- А помнишь свою «Пластилиновую Аврору»? – Элька всплеснула руками. – Ты представляешь, я слышала, как ее исполняли на каком-то юбилее! Банкиры отмечали Седьмое Ноября, устроили нечто вроде капустника. Мы им, естественно, обеспечили всех артистов, каких они захотели. А они напились и сломали программу, сами стали выбегать на сцену со своими номерами. Представляешь мужской стриптиз в исполнении солидных финансистов? А их начальник безопасности вдруг берет гитару и поет твою песню! «*Нам помнится, Аврора ударила прицельно, а может, не прицельно, по Зимнему дворцу. И взяли власть Советы, а может, не Советы, и повели Россию к счастливому концу*» и далее по тексту. Ты представляешь?

- Ну и что? – Чернец пожал плечами. – Моя песня стала народной. Так и должно быть. Мать, ты извини, но мне пора.

- Сидеть! – Элька хлопнула ладошкой по столу, и тут же зазвонил телефон. – Сиди и не дергайся. Ты обещал починить машину? Вот и будешь ее чинить. Может, она развалится, как только ты отойдешь за угол?

Телефон упорно не умолкал, но Розальская не обращала на него внимания.

- Ты понял, Гошка? Не убегай. Договорились?

Чернец рассмеялся и подошел к кофеварке, чтобы наполнить свою чашку, а Элька, наконец, подняла трубку.

- Культурный Центр ЭЛПО, слушаю вас. От какой тети Глаши? Ах, от Глафиры… Здравствуйте, Ардалион, здравствуйте… да-да, я в курсе. Записывайте номер… Это компания «Арт Маркет», они выполнят ваш заказ к тринадцатому августа. Немедленно связывайтесь с ними, там с нетерпением ждут вас. Мы? Нет, мы не можем. Нет-нет, у нас нет никакой возможности… Что, простите? Да, это окончательный ответ. Как? Подождите, вы записали номер? Алло, алло… Как? Ой…

Игорь оглянулся, услышав странный звук. Телефонная трубка раскачивалась на шнуре, задевая пол и издавая короткие гудки. Элька, белая, как мел, держалась обеими руками за горло, выпучив глаза.

- Что с тобой? – Чернец положил трубку на место и ласково встряхнул Эльку за плечо. – Мать, ты что, поперхнулась?

Она зажмурилась, пытаясь вздохнуть. Лицо ее стало серым и покрылось испариной, в уголке рта выступили пузырьки слюны.

«Поперхнулась?», - подумал Игорь и, быстро встав позади Эльки, обхватил ее, сцепив пальцы под ребрами. Резким рывком он притянул ее к себе, немного приподнимая. Розальская раскашлялась, трясясь всем телом и постанывая. Он поставил ее на пол, но у Эльки подкосились ноги, и Чернецу пришлось снова обнять ее.

- Отпустило? – спросил он, вытирая платком ее губы.

Она кивнула и выхватила платок из его рук.

- Ой, холера, что это со мной такое? Гошка, если б не ты, я бы тут загнулась… - Элька повернулась к зеркалу, держа платок у рта. – Этот Ардалион меня сглазил, гад. Что-то он такое сказал, я не разобрала. Но в горле будто ежик застрял.

- Это был тот самый звонок, которого ты боялась?

- Видишь? – Элька всхлипнула. - Недаром я не хотела отвечать.

- Ты слишком близко к сердцу все воспринимаешь, - говорил Игорь, приглаживая ее всклокоченные рыжие волосы. - Нельзя так, особенно если работаешь с людьми. Люди – это такая дрянь. Как говорят в армии, будь спокоен, как тумбочка, и будешь здоровым, как шкаф.

- Гошка, бросай автосервис, иди к нам, - жалобно попросила Элька, опуская голову ему на грудь. – Видишь, как ты нужен? Будешь делать нам искусственное дыхание. Или хотя бы отвечать в грубой форме таким козлам, как этот Ардалион.

Чернец погладил ее по щеке, но не успел ответить. Дверь кабинета распахнулась. На пороге стояла Полина Зубровина.

- Какая трогательная сцена, - язвительно произнесла она. – Я вам не помешала?

4.

Она не собиралась показываться сегодня на работе. Если у Розальской возникнут вопросы, все можно решить по телефону. Расписание среды у Полины оставалось неизменным на протяжении последних двух лет, с тех пор, как она начала регулярно посещать спортзал.

Ей нравилось тренироваться по утрам. Входить в пустую чистую раздевалку, еще хранящую запах стирального порошка, которым уборщицы отмывали полы после вчерашнего наплыва посетителей. Неторопливо переодеться, критически оглядев себя в огромном, во всю стену, зеркале. Пересечь тренажерный зал, где седой подтянутый тренер укладывает разноцветные гантели на длинный сверкающий стеллаж. Легким кивком поздороваться с ним и встать на беговую дорожку. Черное гладкое полотно дрогнет и помчится под ногами, и легкий топот кроссовок будет сливаться с гулом и шелестом, пока тренер не догадается включить музыку.

Десять минут на дорожке, пятнадцать минут на растяжку. Разогревшись, Полина уходила в раздевалку, чтобы сменить майку – она терпеть не могла, когда пропотевшая ткань липла к телу и оставляла влажные пятна на черной коже тренажеров.

Раньше тренер заставлял ее таскать с собой специальную тетрадку, куда она записывала все свои упражнения и нагрузки. Постепенно необходимость в таких записях отпала, потому что Полина научилась выбирать нагрузку не по формулам тренера, а по собственному самочувствию. В конце концов, она тренировалась не ради рекордов, а всего лишь для удовольствия.

Иногда она приходила в зал и по вечерам, чтобы позаниматься вместе с группой работников банка. Здесь, в зале, можно было обсудить некоторые деловые проблемы, а в сауне, после тренировки, разомлевшие подружки делились последними новостями, сплетнями и слухами, которые могли оказаться очень полезными для работы. Для этих вечерних занятий Полина надевала черные лосины, розовое или желтое трико с глубоким вырезом, а волосы перехватывала белой повязкой. Наверно, банкирши и не узнали бы ее на утренней тренировке, когда она занималась в вылинявших шортах и просторной майке.

Больше всего ей нравилось работать со штангой. В первый раз Полине было просто страшно взяться за рифленый гриф, казавшийся неподъемно тяжелым даже без надетых на него дисков. Но, заметив насмешливый взгляд тренера, она смело шагнула к стойке. И чуть не упала, взвалив гриф на плечи. Тренер тут же оказался рядом и поддержал ее, и не отходил, пока она не научилась все делать правильно. Да, это было и страшно, и непривычно, и просто тяжело – но зато как приятно было осознавать, что она справилась с новым испытанием!

Тренеру было лет пятьдесят, и Полина знала, что иногда какая-нибудь из его учениц задерживается после вечерней тренировки, чтобы попариться в отдельной сауне вместе с ним. Говорили, что он прекрасно владеет приемами расслабляющего массажа. Кроме того, у него была машина, на которой он мог подвезти ученицу домой, если расслабление затягивалось далеко за полночь. Когда-то он и Полине предложил свои дополнительные услуги, но она огорчила его отказом. Ей не нужен был помощник, когда она хотела расслабиться.

Вот если бы он встретился ей раньше… Был у Полины период, когда она и думать не могла ни о чем ином, только бы избавиться от одиночества. Это началось, когда дочка училась в восьмом классе. Катюшка незаметно превратилась в совершенно самостоятельного человека, и Полина остро почувствовала, что теперь дочка не нуждается в ней так, как раньше. В жизни вдруг возникла зияющая брешь, которую необходимо было чем-то заполнить. В первые годы после того, как ушел муж, Полине просто некогда было думать об этом. Учеба, работа, общественная нагрузка – все это смешивалось с постоянной заботой о дочери, о маме, о доме. Она

вертелась, как белка в колесе – и вдруг это колесо развалилось, и белка, кувыркаясь, вылетела наружу, беспомощно, по инерции, перебирая быстрыми лапками…

Полине было стыдно, ее бесила собственная слабость, но она не могла справиться с желанием. Хотелось, чтобы рядом был мужчина. Умный или глупый, привлекательный или отвратительный, но мужчина. Куда бы она ни шла, ее глаза сами выискивали его. Это стало каким-то наваждением. Она присматривалась к своим знакомым, пытаясь уловить хотя бы намек на то, что они считают ее привлекательной. Она ходила на все выставки и концерты, выслеживая того, кто мог бы влюбиться в нее. Она опрометчиво соглашалась на свидания с людьми, которые ей вовсе не нравились, в надежде на будущее. Но дальше разговоров дело не двигалось – и в этом был виноват Игорь. Она всех сравнивала с ним, и все были хуже, чем он.

Иногда Полина чуть не плакала от досады, просыпаясь одна в постели. Казалось, она отдаст все за то, чтобы сейчас ее обнимали крепкие мужские руки. Но самообладание понемногу возвращалось к ней, и, занявшись привычными делами, Полина убеждала себя в том, что ей нечего стыдиться. Так уж устроен мир. Мужчины хотят женщин, и женщине нужен мужчина. Но жизнь достаточно богата и разнообразна, и можно быть вполне счастливой, оставаясь одинокой.

Был в ее жизни и еще один трудный период, о котором не хотелось вспоминать. Когда она оформила развод с Игорем, Венька Юдинцев попросил ее о небольшом одолжении, и Полина не смогла отказать старинному приятелю. Она вышла за него, и Венька получил питерскую прописку. Фиктивный брак позволил ему продолжить успешную карьеру. Да и в анкете работницы горкома не стоило портить графу «семейное положение». Они всё подшучивали над своим новым статусом, всё посмеивались, но постепенно Венька стал все чаще засиживаться у Полины допоздна, а потом и вообще перебрался в ее просторную квартиру, потому что так было удобнее. Тогда они оба работали в Смольном, и у коллег могли возникнуть ненужные вопросы, если бы муж и жена приходили на работу не вместе.

А потом, летом, когда мама с Катюшкой уехали в Крым… Однажды под утро Полина проснулась оттого, что Венька присел на край ее постели. Она не открывала глаз, притворяясь спящей, но сквозь тонкую простыню чувствовала жар, исходящий от его бедра. Он осторожно коснулся ее груди, и Полина не выдержала. Она ударила его по руке, вскочила и вытолкала из спальни, голая и разъяренная. Он убежал со смехом, прикрываясь подушкой. Но на следующую ночь снова пришел, пьяный, с огромным букетом тюльпанов, и усыпал цветами ее постель...

В тот момент в ней что-то сломалось. Она отодвинулась, впуская Юдинцева к себе. Венька торопливо разделся. В темноте было слышно, как падают на пол оторвавшиеся пуговицы сорочки. От него пахло коньяком и потом, его липкие ладони метались по ее телу, и Полина, закрыв глаза, вжималась в угол, словно пыталась просочиться сквозь стенку и исчезнуть. Ей казалось, что все это происходит не с ней. Это не она, а какая-то другая женщина лежит в постели рядом с Юдинцевым, беспомощно прикрывая то грудь, то живот, и отворачиваясь от его нетерпеливых губ. «Тебе будет хорошо, очень хорошо, я знаю, тебе понравится», жарко шептал он ей в ухо. Она отворачивалась, а он все не унимался, лаская ее. И вдруг остановился, и в бешенстве ударил кулаком по подушке, а потом повернулся к ней спиной и через минуту уже захрапел.

Каждый раз, вспоминая об этом, Полина понимала, что Веньке не хватило буквально одной минуты. Несмотря на все свое внутреннее сопротивление, она уже была готова уступить, обнять его, прижаться и забыться… Во всем виноват Игорь. Так почему бы не отомстить, переспав с его лучшим другом? Но случилось то, что случилось. Наутро Юдинцев был хмур и неразговорчив, а вечером перевез свои вещи на съемную квартиру.

Этот случай никак не повлиял на их отношения. Они остались друзьями, и Венька всегда помогал ей. Кстати, именно он привел Полину в этот спортзал.

Обычно она выполняла по три подхода на каждом из тренажеров, но сегодня ей почему-то не хватало терпения. Сделав несколько движений, она останавливалась, откинувшись на спинку. Потом бесцельно ходила по залу, заставляя себя собраться. Нет, с таким настроением нельзя тренироваться, решила она, наконец, и, быстро приняв душ, поехала на работу. Может быть, привычная суета поможет ей избавиться от надоевших воспоминаний?

Но то, о чем Полина старалась не думать, вдруг возникло перед ее глазами. Увидев обнимающихся Игоря и Эльку, она чуть не расхохоталась, оценив иронию судьбы.

- Не помешаю?

- Ой, Линка, тут такое сейчас было! – нисколько не смутившись, воскликнула Розальская. – Этот Ардалион звонил, чуть меня не угробил!

Чернец, покраснев, отошел от Эльки.

- Я сделал машину, - сказал он. – Ничего серьезного, просто контакты немного разболтались. Можете гонять. Если будут проблемы, звоните.

Полина, не обращая на них внимания, подошла к шкафу и достала какую-то папку. Раскрыла ее и перелистала подшивку, словно пыталась что-то отыскать. Краем глаза она видела себя в зеркале. После спортзала Полина не успела ни накраситься, ни причесаться как следует, просто связала волосы в пучок. Она заметила, что Элька, наоборот, сегодня была при полном параде – отличный, почти незаметный грим, тщательно вспушенные ресницы, и лака для волос не пожалела. Вместо обычных джинсов и футболки Розальская сегодня надела свое любимое французское платье на тонких бретельках. Она явно подготовилась к встрече с Игорем. «Что ж, не буду вам мешать», - подумала Полина.

- Я ненадолго, - сказала она, захлопнув папку. – Элька, если будут звонить колдуны, ты знаешь, что им сказать.

-Но… Они уже звонили, - растерянно проговорила Розальская.

- Так просто Глафира от нас не отстанет, будут еще уговаривать. Держись тут. И жди меня в офисе, вечером увидимся.

- Ой, Полина, останься! Я не выдержу, если они опять на меня насядут!

- У тебя есть помощник.

Игорь сел в кресло и скрестил руки на груди:

- Не бойтесь, пани, все звонки я беру на себя. А ты пока сваргань-ка нам еще кофейку. Отличная у вас кофеварка.

- К сожалению, мы не держим в офисе пива, - сказала Полина.

- Не страшно, - улыбнулся Игорь. – Потерплю до вечера.

- Не скучайте. – Полина весело помахала пальчиками, подмигнув подружке-разлучнице.

- Куда ты? – опомнилась Элька.

- Посмотрю, как дела на каравелле, - бросила Полина через плечо и вылетела из офиса.

«Каравеллой» они называли старую баржу, которая стояла на вечном приколе в одном из тихих уголков залива. Когда-то это судно приобрел владелец топливной компании. Тогда он еще не занимался нефтяным бизнесом, а промышлял экспортом металла. Что-то помешало ему сразу разрезать баржу, а потом уже было не до нее, так она и осталась ржаветь. Но спустя несколько лет хозяин вспомнил о ней. Заказывая в Культурном Центре торжество в честь своего юбилея, владелец топливной компании потребовал, чтобы баржа превратилась в каравеллу – с мачтами и парусами, пушками и деревянной палубой, и чтобы на палубе разместился стол на тридцать шесть персон, и чтобы на мостике был настоящий штурвал, и чтобы оркестранты были в камзолах и париках, и чтобы на каравеллу напали пираты, и чтобы после победы над ними был произведен салют из пушек, тридцать три залпа, по числу лет, исполнившихся юбиляру. Когда ему представили смету, юбиляр почесал затылок и вынул из кармана пиджака толстую пачку долларов. «Не хватит – звоните. Накину», - сказал он. Накидывать пришлось

еще два раза, но зато теперь баржу вполне можно было использовать для съемок высокобюджетного исторического сериала.

Подъезжая к стоянке, Полина издалека увидела три высокие мачты за деревьями и сараями, облепившими берег. Над водой далеко разносились завывания циклевочной машинки. «Значит, палуба еще не готова, - отметила она. – А ведь уже сегодня ее должны были покрыть лаком. Опять придется ругаться с рабочими».

Бригадир Михеич ждал ее у трапа, дымя неизменной папироской.

- Я как чувствовал, что вы сегодня приедете. – Он пропустил ее вперед и бросил папиросу в воду. – Специально приказал с утра марафет навести. Мусор по мешкам распихали, вечерком вывезем куда подальше. Так что у нас все в ажуре.

- В ажуре, да не все, - сказала Полина, поднимаясь по шатким деревянным ступенькам. – Во-первых, пора бы уже установить постоянный трап, пока никто шею не свернул на этой времянке. Во-вторых, Михеич, какое сегодня число?

- Вроде с утра шестое было.

- А сколько дней лак сохнет? Три дня. А второй слой? Еще двое суток. Что получается? Получается, что на палубу можно будет наступать только одиннадцатого числа. А у нас когда мероприятие? Десятого. Неувязочка получается.

- Полина Константиновна, не беспокойтесь. У нас все как в аптеке и даже лучше. Лачком сегодня же все зальем. Лак мебельный, схватывает за час. К утру на палубе можно будет хоть голышом кувыркаться.

Полина присела, придирчиво ощупывая палубу. Михеич, упав на колени, с силой провел ладонями по доскам:

- Ни сучка, ни задоринки! Королевский паркет!

От него немного попахивало спиртным, но Полина удержалась от замечания. Она уже знала, что в трезвом виде бригадир не испытывает ни малейшего желания работать, но готов часами рассуждать об антинародной политике правительства. Поток его лозунгов можно было остановить только парой бутылок пива или чекушкой водки. Тогда Михеич вдруг спохватывался и набрасывался на работу. Главное в общении с ним – не промахнуться с дозировкой.

Полина знала Михеича еще по работе в ПТУ. Тогда он был молодым мастером, ненамного старше своих рослых воспитанников. Он преподавал им науку под названием «Станки и оборудование деревообрабатывающей промышленности», преподавал методом личного показа и коротких объяснений, чередуя подзатыльники и затрещины с пинком под зад. Его методика часто становилась темой педсовета и даже партсобраний, но никакие взыскания на мастера не влияли. Он продолжал распускать руки и выпивать на рабочем месте, и Полина ставила перед администрацией вопрос о его увольнении. Но мастера Михеева не уволили, потому что мудрый директор ПТУ знал, что вместо одного пьяницы и дебошира ему просто пришлют другого.

Да, тогда Михеич был просто Толяном… Или Коляном? Полине стало немного стыдно оттого, что она даже забыла имя бригадира. А теперь и не вспомнить, потому что для всех он стал Михеичем. Это имя прекрасно подходило сморщенному, лысому и сутулому бригадиру. «Как он постарел, - подумала Полина. – Впрочем, он, наверно, сейчас смотрит на меня и тоже думает, как она постарела!»

Но нет, мыслительный процесс Михеича имел иное направление.

- Я вот думаю, не пора ли парням аванс выписать, - произнес он, понизив голос и прикрывая рот ладонью. – Чтоб показали ударный труд. Когда в кармане пусто, нет настроения работать.

- Вот вам по сто рублей на брата, - сказала Полина, открывая кошелек. – Выдашь им, когда закончите с лаком. Но чтобы завтра – ни в одном глазу. Ты понял, Михеич?

- Да когда ж я вас подводил? – обиделся бригадир, торопливо запихивая деньги в карман спецовки.

Полина прошлась вдоль борта, оглядывая сверкающие блоки и лебедки, поручни и тумбы. Все это было добыто под покровом ночи на соседней стоянке, где старые пароходы дожидались своего последнего часа. Их голые мачты и покосившиеся трубы были видны за мысом.

На краю мыса белело здание спасательной станции с небольшой башенкой под остроконечной зеленой крышей. В открытом окне башни Полина увидела человека в тельняшке. Он стоял с биноклем в руках и смотрел в ее сторону. Машинально поправив волосы, она отвернулась и прислонилась к ограждению борта. В кармане завибрировал, деликатно прогудев, мобильник. Полина глянула на дисплей и недовольно нахмурилась, увидев номер Глафиры.

- Полина Константиновна? Вас беспокоит Ардалион, - прошелестел в трубке вкрадчивый мужской голос.

- Я не могу сейчас говорить, - ответила Полина. – Я за городом.

- Вам не надо говорить. Вам надо слушать. Внимательно слушать. Я общался с вашей помощницей. Боюсь, она неправильно оценивает ситуацию. Пытается отфутболить нас в какую-то сомнительную контору. Бесполезно. Мы будем работать только с вами.

- Кто вам дал этот номер? – спросила Полина, решив, что вечером серьезно поговорит с Элькой на тему корпоративной безопасности.

- Тетя Глаша знает все ваши телефоны, не сомневайтесь. Мы будем работать только с вами. Поэтому вам лучше всего отфутболить всех своих клиентов к разным другим конторам. И спокойно решать наш вопрос. Мы не требуем ничего особенного. Не надо афиш и рекламы на телевидении. Не надо концертной программы. Не надо снимать для нас Кировский театр. Нам нужно тихо и спокойно собраться в вашем офисе и обсудить наши общие проблемы. Вот и все. Больше от вас ничего не требуется, только откройте нам двери и получите с нас деньги. Вы меня слышите, Полина Константиновна?

На другом конце баржи снова завыла циклевочная машинка.

- Здесь очень шумно. - Полина отвела трубку в сторону. – Я плохо вас слышу. Перезвоните через час, когда я буду в офисе.

- Через час вы будете не в офисе. Я перезвоню вам домой, вечером, чтобы услышать, что вы согласны. Только не забудьте предупредить своих клиентов, а то некрасиво получится.

- Не надо звонить вечером, - твердо сказала Полина. – И ночью тоже, и утром. Никогда не звоните мне, вам ясно?

- Не пытайтесь скрыться, - прошелестел насмешливый голос. – Что за детская игра в прятки? Смирись, гордый человек. Подчинись могуществу, что выше всех твоих тщетных усилий. Успокойся, остынь. Сделаешь все, что мы скажем. А пока остынь, не кипятись...

Не дослушав, Полина выключила телефон. С отвращением глядя на трубку, она почувствовала непонятный страх. Ей приходилось вести переговоры с разными клиентами, но еще никто не смел говорить с ней в таком тоне. Естественно, этот Ардалион ничего не добьется. Пусть применяет свои заговоры и наговоры на доверчивых старушках. Культурный Центр не будет иметь дело с кликушами и психопатами.

Трубка вдруг снова задрожала в ладони. Полина брезгливо разжала пальцы, и телефон упал. Он ударился об ограждение и отскочил в сторону. Кувыркаясь, трубка полетела вниз, успев коротко пропеть за миг то того, как скрылась под водой.

«Вот и хорошо, - подумала Полина. – Все равно пришлось бы менять номер. Интересно, а какая здесь глубина?»

Она перегнулась через борт, и вдруг ноги скользнули по гладким доскам, а ограждение с хрустом подалось вперед. Полина потеряла равновесие, больно ударилась коленями о край борта – и полетела в воду, зажмурившись от ужаса…

5.

- Она всегда такая суровая? – спросил Игорь, когда за Полиной захлопнулась дверь.

- Сегодня что-то особенное, - ответила Элька, садясь к нему на колени. – По-моему, она готова утопиться от ревности.

Чернец шлепнул ее пониже спины:

- Ну-ну, мать, что за шалости. Слезай. В моем возрасте опасно сажать девчонок на колени.

- Я бы села к тебе в другом возрасте, но тогда ты был занят. – Она обвила его шею рукой и кончиками пальцев погладила губы. – А сейчас ты свободен, и я свободна, и должны же мы в конце концов оправдать все эти грязные сплетни, которые сочиняли про нас двадцать лет! Ты представляешь, Гошка? Мы с тобой знакомы больше чем двадцать лет, и я ни разу не сидела у тебя на коленях! У всех сидела, а у тебя ни разу. Ты как-то увернулся. Уклонился. Сбежал. Почему ты сбежал, Гошка?

- Уже не помню. Была какая-то причина, наверно.

- Наверно. Ты меня не поцелуешь?

- Это еще зачем?

- В честь нашей встречи. – Элька звонко поцеловала его в губы. – Не бойся, я сегодня без помады. Специально для такого случая.

- А куда Зубровина упорхнула? Что еще за каравелла?

- Начальство упорхнуло на объект. Если вернется, то часа через два, не раньше. У нас с тобой уйма времени…

- Мать, не смеши меня. Ты обещала только кофе.

- Начинать надо с малого. Сначала кофе, потом сигарета, потом еще что-нибудь. Ты куришь?

- Не на работе.

- Тогда поехали ко мне. Ты хотел покататься на моей «бомбочке»? Вот и покатаемся. Или желание пропало?

- А где ты сейчас живешь?

- Там же, где и раньше.

- Не может быть. В коммуналке?

- Я ее расселила. Теперь все пять комнат мои. Мама в Израиле. Отец в Кракове. Я живу с кошками. У меня их пять.

- Элька, Элька…. – Игорь ласково потрепал ее ухо. – Только не говори мне, что это те же самые кошки, которые жили у вас раньше.

- Ты будешь смеяться. Но это почти те же самые.

Она встала, оправляя платье. Почему-то безобидное упоминание о коммуналке лишило ее того игривого настроения, которое переполняло Эльку с самого утра.

Семья Розальских с незапамятных времен занимала две комнаты в доме на Седьмой линии. В этой квартире жили художники, скульпторы, балерина и зубной техник. У отца, графика-плакатиста, была еще и мастерская на чердаке, и домой он спускался только отсыпаться, да и то не каждый день. Узенькая комната Эльки сначала называлась детской, потом – девичьей. На своих семи квадратных метрах Элька выросла, потеряла невинность, закончила школу и институт, но для замужества этой жилой площади не хватило.

Например, Венька Юдинцев активно ухаживал за ней, начиная еще со вступительных экзаменов. Его настойчивость была вознаграждена, и однажды ночью Элька провела его по длинному коридору и впустила к себе в девичью, и он набросился на нее со всем неистраченным пылом первокурсника, и обещал, что ей будет хорошо, ей понравится… И ей понравилось,

как всегда. И долго еще нравилось. Но когда Юдинцев, наконец, сообразил, что за остальными дверями огромной квартиры живут совершенно чужие люди, и когда ему пришлось постоять в небольшой очереди в туалет – вот тогда его страсть понемногу улеглась. Элька недолго горевала, потому что Венька был только одним из трех ухажеров, которым она одновременно морочила голову.

Пединститут – заведение преимущественно женское, и подцепить однокурсника считалось редкой удачей. В группе Розальской достойных кандидатов было всего-то двое – Игорь да Венька. Чернец, околдованный Полиной, отпал сразу, Юдинцев – через полгода, и всех следующих поклонников Элька находила уже на сцене, точнее – за кулисами. Музыканты и звукорежиссеры, молодые композиторы и пожилые администраторы бросались к ее очаровательным ножкам, шепча ей одни и те же слова, осыпали одинаковыми подарками, и одинаково смущались, когда она давала им презерватив.

Но только один из них предложил ей выйти замуж. Это был польский студент, который учился на последнем курсе и собирался вернуться на родину с ленинградским дипломом и русской женой. Правда, Элька считала себя наполовину полькой, по отцу, но для Збышека это не имело значения. Они даже подали заявление в загс… И тут Юдинцев снова проявил к ней интерес. Как-то после репетиции он предложил посидеть в Интерклубе, где подрабатывал диск-жокеем. На самом деле он просто приносил туда пластинки и записи, которые где-то доставал, а вели дискотеку двое шустрых литовцев. Венька и Элька с комфортом устроились за отдельным столиком, потягивали коктейли, пару раз даже станцевали, но в основном беседовали. Речь шла о политической ситуации в Польше после введения там военного положения. О происках западных спецслужб, которые пытаются внедриться в рабочее движение. О родственниках Збышека, живущих в мятежном Гданьске. Элька хлопала накрашенными ресницами и строила из себя дурочку. Но она все прекрасно поняла. Очевидно, Збышек тоже все понял, потому что уехал в свой Гданьск, не дождавшись даты регистрации брака.

Наверно, только эта разлука заставила Эльку немного поплакать. Збышек был удивительно нежным, щедрым, веселым. При этом – ярый католик, не допускающий даже мысли о возможном разводе. Католики женятся раз и навсегда. И никаких абортов. И жена не должна работать. И вообще, только расставшись с ним, Элька поняла, что ей на самом деле хотелось бы жить в стране, где производят замечательную косметику, шьют модную одежду, и повсюду звучит отличная музыка. Она потом несколько раз была в Польше, но Збышека так больше и не встретила.

Между прочим, однажды Юдинцев говорил с ней и об Игоре. Сейчас она почему-то вспомнила об этом. И спросила:

- Гошка, и все-таки, из-за чего ты тогда все бросил и исчез? Только не говори, что из-за Зубровиной.

- Из-за чего? Из-за собственной глупости. - Чернец пожал плечами. – Решил, что так будет лучше для всех. Денег хотел срубить. За северным рублем тогда многие ездили.

- Ты же в аэропорту неплохо зарабатывал.

- Да, пока работал. Но меня оттуда вышибли. Вот я и рванул на Север.

- И всё? Только из-за денег? – Элька обошла вокруг Игоря и встала сзади, прижавшись к его спине. – А знаешь, говорили, что это как-то связано с университетом. Говорили, что еще до армии ты попал в какую-то историю, и вот это тянется до сих пор. То есть тогда тянулось.

- Кто это говорил? Юдинцев?

- Как ты догадался?

- Мать, ну с кем еще ты могла перемывать мои кости? Не с Зубровиной же. Ее, наверно, трясет, когда меня при ней вспоминают, да?

- Гошка, не увиливай. Что с тобой стряслось в университете?

- Если бы я знал… - Игорь закурил. – К тому же это было так давно, что уже вроде как и не со мной. Началось с рок-оперы «Иисус Христос – суперстар». Захотел сравнить либретто с первоисточником. А где его взять, первоисточник? Естественно, в библиотеке Академии наук, был у меня там один знакомый. Объяснили, кому надо, что я пишу доклад для кафедры научного атеизма. Сижу в читалке, штудирую Библию. Рядом какой-то аспирант сопит, конспектирует. В курилке разговорились. Слово за слово, он предлагает встретиться у одного книголюба, тот может мне отдать Новый Завет на время, пока я «пишу доклад», чтоб не тратить время на читалку. Свел он меня с этим книголюбом. Через месяц меня вызывают в КГБ. Разговор об этом аспиранте и его компании. Подробности я забыл, потому что давал подписку о неразглашении. Серьезно, забыл, просто стерлось напрочь, как размагнитило. Но пара ключевых фраз осталась. «*Какие еще антисоветские материалы передал вам Слуцкий*?» И вторая - «*Как Слуцкий осуществлял связь с зарубежным центром*?»

Элька восхищенно ахнула:

- Так они были шпионами? И ты их разоблачил?

- Они были спекулянтами. И я из-за них чуть не сел. Да нет, я шучу. Это была ячейка баптистов, они хотели меня завербовать. Ласково начали окучивать. Но я не поддался. Потому что не люблю, когда меня окучивают. Тогда я рассуждал так: если Бог есть, и если я ему нужен, то он сам мне об этом скажет, без посредников. Вон как с апостолом Павлом было, слыхала?

Она мотнула головой, не сводя с Игоря горящих глаз.

- Его поначалу звали Савлом, и был он самым жестоким гонителем первых христиан. Сам казнил, своими руками. Однажды шел на очередное судилище, и вдруг посреди дороги его как пыльным мешком по голове ударило. Ослеп, застыл на месте и слышит голос: «Савл, зачем ты гонишь меня?» И всё. Так он превратился в Апостола. Никто его не вербовал, картинки завлекательные не показывал, зарубежных поездок не обещал.

- А тебе обещали?

- Намекали. Что наши братья в Америке всегда рады нам помочь. И самых достойных братьев мы посылаем на братские слеты. По обмену опытом.

- А университет тут причем? Ты же сам не баптист, тебя-то за что выгнали?

- За все хорошее. Наверно, Большой Дом какие-то запросы на меня посылал, а какому декану понравится, что у него под носом такой источник головной боли? К тому же я слишком много болтал. Например, в курилке на спор доказал, что в слове «КПСС» четыре ошибки.

- Это как?

- Долго рассказывать. Но смысл в том, что КПСС – это не партия, и не коммунистическая, и Союз – не союз, и вовсе не советский. Конечно, это была только шутка. Но в курилке разные люди сидели, и чувство юмора у них тоже разное.

- Сколько тебе тогда было? Семнадцать лет?

Элька попыталась скрыть нотки недоверия, но Игорь их, наверно, все-таки заметил. Он ответил сухо и отстраненно:

- Мне было восемнадцать, а что?

- Ну, мы как-то не думали о таких вещах в восемнадцать лет. И семья у тебя такая, идейная. Отец генерал…

- Если хочешь знать, в Советском Союзе партийную верхушку больше всего ненавидели именно военные и чекисты. Все остальные просто брюзжали и держали фигу в кармане. А солдатам приходилось воевать из-за решений Политбюро. Да ладно, тогда я об этом тоже не думал. Просто любил посмеяться над дураками.

- Досмеялся, - сочувственно сказала Элька. – Я не знала, что за шуточки выгоняют из университета.

- Да никто не выгонял. В общем, меня сначала не допустили к занятиям по физкультуре, из-за какой-то справки. И я уже не мог получить зачет. Потом мой доклад затерялся на

кафедре, и оказалось, что и тут у меня нет зачета. К сессии не допускают. Я еще подергался немного, но мне умные люди посоветовали уйти по хорошему. Что я и сделал. И через месяц - в армию.

- Маленький глупый мальчишка, - нежно протянула Элька, зарывшись носом в его волосы. – Почему ты никогда об этом не рассказывал?

- Ты не спрашивала.

- А Линка знает?

- Конечно, нет. Никто не знает. Ты первый человек, кому я смог это рассказать.

Элька поцеловала его колючую щеку. «Господи, ну почему все мужики такие одинаковые? – подумала она. – Почему они могут открыться только чужой бабе?»

- Значит, ты всегда был таким? Привык убегать от трудностей вместо того, чтобы их героически преодолевать? Теперь я понимаю, почему ты и наш институт бросил. И почему на Север уехал. Понимаю.

- Значит, ты понимаешь меня лучше, чем я сам, - сказал Игорь. – Может быть, я и убегал от проблем. Но только потому, что эти проблемы осложняли жизнь не мне, а другим людям. Ты думаешь, в армии легче, чем в университете? Или на Севере веселее, чем в Питере?

- Гошка, ну что ты злишься? Я же тоже пострадала оттого, что ты исчез. Ансамбль без тебя превратился в такое дерьмо! А я на тебя надеялась. С твоими песнями я могла бы стать настоящей звездой советской эстрады.

- Скорее, антисоветской, - поправил Игорь. - Глядишь, году в девяносто втором заняла бы третье место в номинации «голос российской демократии».

Элька куснула его за ухо и отскочила.

- Давай займемся делом, раз уж ты приехал. Мы сейчас трудимся над одним проектом. Посмотри сценарий. Может быть, вставишь что-нибудь в своем стиле?

- Нет, не вставлю. Хватит с меня этих сценариев. Мое дело – машины починять.

- Ну, пожалуйста, Игоречек! – Она потрясла перед ним скрепленными страницами. – Неужели тебе неинтересно, чем мы занимаемся?

- Вижу я, чем вы тут занимаетесь, – проворчал он, бегло просматривая текст. – Кто писал? Зубровина?

- Нет. Такие вещи мы заказываем у одного дедушки. Профессиональный драматург, но современный юмор до него не доходит. У него все так серьезно получается, а нам хочется, чтобы народ все-таки не скучал.

- А где все это будет происходить? Все эти прыжки в воду и пиратские абордажи? Где стоит каравелла? На Неве?

- Нет, кто же позволит такое устраивать в черте города! Место действия – тихий берег залива, на Канонерском острове.

Чернец потер подбородок.

- Все-таки зацепила ты меня, зацепила… Знаешь, что? Поехали на Канонерку. Я лучше соображаю, когда вижу место действия.

Элька вырвала из его рук сценарий и запихнула обратно в шкаф. Она рассчитывала получить от этой встречи немного больше. Глупо было надеяться, что Игорь достанется ей. Но и такого равнодушия к себе она не ожидала.

Едва услышав от Полины, что, возможно, к ним в офис заглянет Чернец, Элька почувствовала себя такой же молодой, какой была на первом курсе. И точно так же волновалась перед встречей с ним, как перед каждым первым свиданием. И так же, как всегда, пыталась рассчитать все, что произойдет потом. Сначала – легкий разговор, обмен новостями. Постепенный переход к романтическим воспоминаниям. И хотя ничего особенного в их совместном прошлом не было, даже невинных поцелуев – это не беда. Как раз наоборот, теперь можно

будет и поцеловаться, потому что теперь это *как бы* ничего не значит. Не то что раньше, когда и приглашение на дискотеку, и медленный танец, и робкий прощальный поцелуй означали очень много. За этими невинными событиями любая девушка могла разглядеть в туманном будущем посещения последних киносеансов, коктейль в баре, совместное участие в вечеринках, (особенно перспективно – бывать на свадьбах друзей), через какое-то время – знакомство с родителями…

Никогда, почти никогда ее планы не воплощались в жизнь. Все шло не по ее сценарию, а по мужскому. Восторженные взгляды, комплименты, поцелуи на первом же свидании, неуклюжие попытки уединиться где-нибудь на часок, и обещание позвонить… Почти никто из них не звонил. Но она не обижалась. Тем более, что обычно, если звонок и раздавался, то не вовремя – как раз тогда, когда у нее в комнатке уже находился новый поклонник.

Но с Игорем все должно было получиться иначе. Встретились двое старых друзей. Что может быть естественнее, чем дружеские объятия и поцелуи? И почему бы не перейти из офиса в более уютные интерьеры соседнего ресторанчика? Потом, в порядке обмена новостями, можно показать старому другу свою квартиру. Продемонстрировать работу музыкального центра, который стоит как раз в спальне, рядом с огромной пышной тахтой… Неужели Чернец вырвется из такой ловушки?

Он и не вырвался. Он просто в нее не попался.

- Ты не можешь усидеть на месте, пока не увидишь Полину, - сказала она. – Ладно, поехали.

- Причем тут Полина? Я даже не подойду к ней, если мы ее и встретим. Не люблю, когда на меня смотрят, как на последнего подонка. Может, я и подонок, но не последний.

Садясь в военный вездеход Чернеца, Элька еще надеялась, что эта машина не заведется. Необъяснимые поломки случаются довольно часто. Из-за них приходится резко менять планы, а это иногда приводит к переменам в жизни. Вот однажды в Крыму поехала Элька с одним режиссером покататься ночью на мотоцикле, а вернулась под утро на грузовике пограничников… Она уже была готова рассказать эту поучительную историю Чернецу, но тот повернул ключ, и машина послушно зарычала могучим мотором.

Он развернулся, и в этот момент под аркой, ведущей во двор, показалась Катя. Зубровина-младшая была в джинсовом костюме и запыленных кроссовках, и тяжелая спортивная сумка оттягивала ее плечо.

Катя посторонилась, пропуская машину, и Элька сообразила, что девушка не видит ее за тонированным стеклом.

- Это к вам? – спросил Игорь, останавливаясь.

- К нам, к нам. – Элька открыла заднюю дверь и сказала: - Катюха, садись, все равно в офисе никого нет.

- А мама где? – Катя бросила на сиденье сумку. – Что у вас творится? Дома ее нет, на работе нет, из спортзала убежала.

Элька скосила глаза на Игоря. Тот невозмутимо смотрел перед собой, держа одну руку на руле, другую – на рычаге передач. «Неужели Катька не узнала его? - поразилась Розальская. – Не может быть! Да она просто не знает, что он ее отец!»

- Элеонора Станиславна, едем? – почтительно спросил он. – Девушка с нами?

- С нами, с нами, - сказала Элька и снова повернулась к Кате: - Мама на объекте. Мы как раз сейчас туда. Она тебе нужна?

- Даже не знаю… - Девушка причесывала свои густые каштановые волосы, глядя в зеркальце над лобовым стеклом. – Сон мне был нехороший. Неспокойно стало как-то. Звоню – она не отвечает. За два дня ни разу не поговорили. А тут еще сон… Я все бросила и полетела в город. А ее дома нет. Вещи разбросаны как попало. Почему-то подумала, что ее на «скорой»

увезли. Когда бабушку-покойницу увозили, тоже такая картина была, как после погрома. Ой, мне тут совсем нехорошо стало. Тетя Эля, откуда такая машина? Это ваш знакомый?

Элька переводила взгляд с дочки на отца и не знала, что сказать. Чернец выручил ее. Не оборачиваясь, он поднял глаза к зеркалу и улыбнулся Кате:

- Не просто знакомый, а очень старый знакомый. Игорь.

- А я Катерина. У вас неплохая машина. Никогда не сидела внутри броневика.

- Ну и как?

- Тесновато сзади. Наверно, это место для ящиков с патронами, а не для пассажиров.

- Наверно, у кого-то слишком длинные ноги, - сказал Игорь.

- Катюха, а что за сон ты видела? – Элька ревниво прервала этот разговорный флирт отца и дочки. – На тебя это непохоже. Чтобы из-за какого-то сна ты бросила все и примчалась проведать мамашу?

- Ну, не только из-за сна, если честно. Друзья ко мне приехали. Из Москвы, из Киева, из разных городов. Хочу их дома разместить. Если мама не будет возражать. Тетя Эля, а что, если она пока у вас поживет? Чтобы мы ее не стесняли? Ребята через пару дней уже разъедутся. Поможете маму уговорить?

- Помогу, - рассмеялась Элька. – Так бы сразу и сказала. А то – сон, сон… Не в твоем стиле. Ты же всегда смеялась над гороскопами, сонниками и гаданиями.

- Больше не буду смеяться, - пообещала Катя. – А сон был – конкретно, очень страшный. Детали как-то не сохранились в голове. Только помню, что маме стало плохо, она в больнице, я бегаю по длинным пустым коридорам и не могу ее отыскать. Ужас. Кошмар.

- Сейчас отыщем, - сказал Чернец.

Машина резко рванула вперед, задребезжав подвеской. Элька вжалась в спинку сиденья, судорожно пытаясь пристегнуться. «Ох, надо было остаться в офисе», - с запоздалым раскаянием подумала она.

6.

Полина Зубровина неплохо умела держаться на воде, но до сих пор ей никогда не приходилось плавать в одежде. Широкая юбка обвила колени, а блузка надулась пузырем на спине. Вынырнув, она долго вертела головой по сторонам, ошеломленная падением, и отплевывалась. Баржа отдалялась от нее, и Полина поняла, что здесь довольно сильное течение. Ледяные струи хлестали снизу по голым ногам. «Только бы не судорога», - подумала Полина и что есть силы забила ступнями, пытаясь подплыть к барже. Но течение уносило ее к мысу.

- Сюда гребите! –послышался голос сзади.

Вздувшаяся блузка мешала ей повернуть голову, и Полина развернулась всем телом. Рядом с ней над водой виднелась чья-то голова.

- До берега доплывете? – спросил парень в тельняшке, протягивая ей руку.

- Не надо, я сама! – крикнула Полина, решив, что это спасатель, тот самый, что стоял на вышке и разглядывал ее в бинокль.

Ей удалось распутать юбку и задрать ее на живот. Теперь она могла плыть брассом. Человек в тельняшке держался рядом.

- Если устанете, перевернитесь на спинку, я вас дотяну!

- Сама доплыву!

Она снова выплюнула воду, но на онемевших губах все равно остался едкий вкус солярки.

- К понтону, к понтону подгребайте! – кричал спасатель. – Только за трос не хватайтесь, ладони порвете! Держитесь за понтон, а я вас подниму!

Ближе к берегу течение становилось быстрее, и Полина испугалась, что ее вынесет в залив, если она не успеет схватиться за качающиеся ржавые бочки понтона. И она не успела бы, если б спасатель неожиданно цепко не схватил ее за блузку на груди и не потянул за собой. Он уже держался за понтон, а Полина барахталась, пытаясь приблизиться к нему, и вот, наконец, вцепилась пальцами в шершавое железо настила…

Спасатель первым взобрался на понтон и, встав на колени, подал Полине руку. Она выбиралась из воды, чувствуя, так тяжелеет тело. Обессилев, повалилась на горячий настил. Ее трясло, она не могла говорить. Немного придя в себя, Полина обнаружила, что куда-то пропала юбка. Она быстро села, подтянув колени к груди.

- Пошли сушиться, - сказал спасатель, выкручивая тельняшку. На его смуглом блестящем плече синела татуировка: якорь и ленточки. – Воды нахлебались?

Полина кивнула, стуча зубами, и протянула ему руку. Он рывком поднял ее на ноги и за руку повел за собой.

- От переохлаждения тут не умирают, - весело говорил спасатель, шагая по гальке к домику с башней. - Просто не успевают. Потому что смерть наступает в результате отравления. Шучу. Но у меня есть средство для дезинфекции.

Через пять минут Полина Зубровина сидела, укутанная в простыню, одеяло и тулуп, а выпитый спирт горел у нее внутри, как костер. В тесной комнатке без окон висели на стенах желтые баллоны и красные гидрокостюмы, какие-то шланги и мотки провода, висел даже небольшой никелированный якорь, а рядом с ним располагался медный шлем с тремя круглыми окошками.

- Грейтесь тут, - сказал спасатель, пряча бутылку обратно в сейф. – А я позвоню. Куда позвонить-то?

- Не надо, - Полина мотнула головой. – Я сама.

Он передал ей радиотелефон, и Полина набрала номер офиса. После нескольких длинных гудков ей ответил вахтер.

- А где Розальская? – устало спросила Полина, заранее зная ответ.

- Уехала с механиком. Машину починили и уехали вдвоем.

- Ну и ладно.

- Полина Константиновна, вам тут звонили из какой-то академии… Сейчас прочитаю, у меня записано… Вот: Академия народного целительства. Спрашивали, как вас найти. Что им сказать, если снова позвонят?

- Пошлите их подальше, - распорядилась Полина. – Вы же отставной военный, вы сможете найти подходящие слова.

Спасатель запихнул телефон за пояс и сказал:

- Сидите, грейтесь. Если захотите добавить, лучше спирт не разбавлять, а запивать водой из-под крана. Справитесь? А я - на боевой пост.

Она догрызла до черенка кислое зеленое яблоко, которое дал ей на закуску этот заботливый паренек. Не надо было звонить в офис. На что она надеялась? Полина обойдется без посторонних. Сама высохнет, протрезвеет, сама найдет какую-нибудь одежду, и сама вернется домой. Никто и не узнает, что сегодня Полина Зубровина могла исчезнуть.

А если б она исчезла, кто бы это заметил? Кому она нужна, кроме Эльки?

Катерина только и мечтает поскорее освободиться от мамочкиной опеки. Бригадиру Михеичу все равно, от кого получать деньги. Заказчикам тоже не нужна Полина – им нужен результат…

Раньше все было не так. Зубровина была нужна всем и сразу. Она приходила на работу, и у дверей кабинета ее обязательно уже поджидал кто-нибудь. А потом обрушивалась лавина телефонных звонков, и так до самого вечера, и вечер наступал не после восемнадцати ноль-ноль, а после решения последнего вопроса. И даже тогда еще рано было бежать домой, потому что требовалось хотя бы полчаса посидеть с шефом. Отпустив секретаршу, заварить ему чашечку крепчайшего кофе. Обсудить новости и планы на завтра. Напряжение рабочего дня постепенно отпускало их, и, галантно открывая перед Полиной дверь своей «волги», шеф мог иногда и улыбнуться, и похвалить ее прическу. Она была нужна ему, и он когда-то давал понять, что видит в ней не только товарища.

Наверно, в карьере Полины Зубровиной не было более тяжелого испытания, чем влюбленность начальника. Ей было чуть за двадцать, ему – почти тридцать. Ее дочке шел второй год, его жене – тридцать шестой. Он приметил Полину, явившись с проверкой в ПТУ, где она работала освобожденным комсоргом. Похвалил за достигнутые результаты и подсказал, как найти средства на покупку аппаратуры для ансамбля. Он даже сам, лично, позвонил куда надо, и назавтра зубровинские комсомольцы отправились убирать мусор на важной народнохозяйственной стройке. Денег, вырученных на этих работах, хватило не только на барабаны и усилители, но и на организацию туристической поездки в Таллин. Естественно, в столицу братской Эстонии отправились только передовики, отличники и актив. На передних местах в автобусе сидели шестеро пэтэушников, а все остальные кресла были заняты товарищами из райкома комсомола. Полина сидела рядом с шефом, и он, задумчиво глядя на ухоженный пейзаж за окном, рассказывал ей об афганских горах. Бродя по крутым узким улочкам Вышгорода, он заботливо поддерживал ее за талию. Она чувствовала, что краснеет, и старательно отворачивалась. Вечером они засиделись в баре гостиницы «Виру», засиделись почти до утра, потому что Полина упорно отвергала предложения проводить ее до номера и говорила, что не хочет спать. Она отоспалась в автобусе на обратном пути, склонив голову на плечо шефа.

Но они так и не стали любовниками. Ни в эту поездку, ни в последующие. Шеф брал ее с собой, в составе делегации, и в Москву на фестиваль, и в Ялту на конференцию, и еще куда-то… Полина держалась стойко. Может быть, шеф настолько втянулся в это безнадежное ухаживание, что, получив новое назначение, переманил Зубровину за собой. И поступал так

каждый раз, поднимаясь на новую ступень карьеры, и Полина поднималась вместе с ним. Легко представить, какие сплетни могли распускать об их отношениях.

Когда она вернулась из Таллина, Игорь спросил, как прошла поездка. И Полина неожиданно для себя смутилась и быстро перевела разговор на другую тему. К счастью, тема была слишком важной для Игоря, чтобы еще думать о дорожных впечатлениях жены – надо было обсудить программу пэтэушного ансамбля, которым руководил Чернец. Ансамбль, оснащенный новой аппаратурой, должен был обязательно победить на смотре художественной самодеятельности, и здесь все решал репертуар. Они долго спорили о достоинствах и недостатках разных песен. Игорь напирал на музыку и тексты, зато Полине лучше были известны вкусы и пристрастия членов жюри. Ансамбль победил, Полину хвалили на бюро райкома. Но почему-то Игорь больше никогда не спрашивал ее о впечатлениях от многочисленных поездок…

Неужели он ее подозревал в чем-то? Полина почувствовала, что ей надо выпить. Немедленно, пока не сошла с ума от тоски и одиночества.

Сбросив тулуп с плеч, она слезла с рундука и открыла сейф. Достала пластиковую бутылку со спиртом, немного плеснула на дно эмалированной кружки. Кажется, слишком много? Но не выливать же обратно… Глотнула, зажмурилась, нащупала кран и вслепую подставила кружку под струю. Несколько глотков ледяной воды вернули ей способность дышать и видеть.

Аккуратно поставив бутылку на место, Полина вернулась на рундук. Села, поджав ноги и укрывшись тяжелым вонючим тулупом. Через минуту спирт подействует. Мысли разбегутся в разные стороны, и вспоминаться будет только хорошее…

Она услышала тяжелые шаги и голоса.

- Ничего с вашей супругой не случилось, - говорил спасатель. – Нырнула, вынырнула, и сразу на берег. Отделалась легким испугом.

- Не думаю, что она испугалась, - послышался голос Чернеца. – Работяги на барже, вот они чуть не померли со страху. Еле-еле растолковал им, что мне лодка нужна.

Полина быстро легла на бок и отвернулась к стенке, притворяясь спящей. Ей не хотелось никого видеть. Ни видеть, ни слышать, ни даже находиться с кем-нибудь рядом. Ни с кем. Особенно с Игорем.

Скрипнула, открываясь, дверь. Полина замерла. Спасатель, видимо, решил, что она заснула, и побоялся беспокоить.

Дверь затворилась.

- Спит.

- Она много выпила? – прозвучал за стенкой озабоченный голос Игоря.

- Грамм тридцать. Чистого, медицинского.

- Пусть отдохнет. Можно мне ее здесь подождать?

- Конечно. Только лодку давайте перевяжем.

Было слышно, как они возятся на берегу, шагая по гальке и переговариваясь.

- А смелая у вас супруга. Никакой паники. Можно было и не нырять за ней, сама бы вылезла.

- Как это случилось? – спросил Игорь.

- Я не видел. Стоял на вышке, смотрел, как они работают на барже. Потом она приехала. Только отвернулся, смотрю – ее нет. И леера на барже висят сломанные. Я прямо с вышки - разбежался, и в воду. Поднырнул, смотрю, она уже сама кверху тянется. Тут самое главное – не напугать человека. Так вот схватишь утопающего за руку, а он тебя – за горло, или в глаз локтем, и вы автоматически меняетесь ролями. Смотрю, человек на воде держится, ножками не сучит, не орет. Ситуация под контролем. Доплыли до берега вольным стилем. Только одежду потеряли. Вы ей привезли что-нибудь?

- Не сообразил…

«Еще бы ты сообразил! – с горьким упреком мысленно обратилась к нему Полина. – Ты никогда не думал, что я могу в чем-то нуждаться. Только деньги давал, чтоб я сама себе покупала. А в магазин со мной сходить – сколько раз такое случалось? Раза три-четыре, не больше. В салон новобрачных два раза заглянули, покупали что-то по талонам. Обручальные кольца, костюм жениху и платье для невесты… Чудесное мне тогда досталось платье. Естественно, не белое. Обычное вечернее платье, голубое, с бирюзовой отделкой. Тогда оно мне казалось слишком открытым. Чудесное платье. Его еще и Катя сможет надеть когда-нибудь. Хорошие вещи делали товарищи из ГДР».

Спирт подействовал быстро, и Полине стало легче. Думалось только о хорошем. О том, как гулял весь курс на их комсомольской свадьбе. Как сначала сочиняли сценарий для этого мероприятия. Как Игорь нес ее на руках и, входя в спальню, споткнулся, и Полина больно ударилась виском о косяк. И как она надела новую ночнушку, которую, кстати, купила в том же салоне для новобрачных, и ждала его под одеялом, а он сидел у транзистора и слушал «Голос Америки», и казалось, совсем позабыл о невесте. Пусть эта брачная ночь и не была их *первой* ночью, но это была брачная ночь, и Полина, устав ждать, заплакала от злости и обиды. А Игорь лег рядом и сказал: «Кажется, умер Брежнев». «Не может быть!» . Игорь расхохотался: «Ну да, очередные клеветнические инсинуации!»

Вот так всегда. Любое приятное воспоминание обязательно притянет за собой кучу неприятных. От которых можно избавиться только с помощью новой порции спирта.

Странное дело, только она подумала о выпивке, как кружка уже сама подлетела к губам, и вода из крана оказалась такой приятной на вкус…

Закрывая сейф, Полина прищемила палец, но не почувствовала боли. И тут же дверь распахнулась, и в комнатку вошел Игорь.

- Слышу признаки жизни, - бодро сказал он. – О, и вижу признаки жизни, причем не лишенные приятности. Зубровина, ты же за рулем, тебе нельзя пить неразбавленный спирт.

- Мне теперь все можно, - пытаясь справиться с непослушным языком, произнесла Полина и оперлась на край стола, чтобы не упасть. – А ты можешь возвращаться к Эльке. Иди-иди, а то она скучает.

Стол куда-то рванулся из-под руки, и Полина вдруг прижалась к груди Игоря.

- Пусти! – потребовала она и хотела оттолкнуть его, но руки безвольно обвисли. – Дай чего-нибудь закусить. Немедленно.

Все закружилось перед глазами. Стены, потолок, небо с парой облаков и одинокой чайкой… Что-то ритмично поскрипывало над самым ухом. Полина с трудом приподняла голову и увидела Чернеца, который ловко орудовал веслами, то откидываясь назад, то наклоняясь к ее голым коленям. Она натянула простыню, прикрывая ноги, и спросила:

- А где мой тулупчик?

Полине стало смешно оттого, что она не расслышала собственного голоса. Чернец ответил ей, но она не разобрала слов. Под головой было что-то мягкое и колючее. В бездонном небе неподвижно повисла чайка. «Что со мной? – подумала Полина. – Где я?»

Когда она открыла глаза, чайки уже не было видно. И небо исчезло. Вместо него был низкий потолок с длинными извилистыми трещинами. На стене – гитара, ружье, карта мира. Металлический стеллаж с книгами и бутылками.

- Проснулась? – спросила Элька. – Есть хочешь?

- Пить, - прошептала Полина, облизывая губы.

Она попыталась встать, но Розальская удержала ее:

- Лежи, я налью.

- Элька, где я?

- Мы к Игорю заехали. Как тебе станет получше, поедем ко мне.

- Я хочу домой. – На этот раз Полина успела сесть в постели и опустить ноги на пол. – Почему мы здесь? Почему должны ехать к тебе? Что нам у тебя делать? Я хочу домой.

- У тебя дома гости. Катины гости. Их много. Пусть молодежь поживет там. А ты поживешь у меня, - говорила Элька, наливая газировку в высокий бокал. – Пей.

Жадно припав к воде, Полина выпила ее в два глотка и потребовала:

- Еще!

Голова казалась чугунной, руки тряслись.

- Что со мной, Эля? Ничего не понимаю… Что случилось?

Розальская ласково погладила ее по волосам:

- Ничего страшного. Ты упала в воду, тебя спасли, все хорошо. Выпила немножко спирта, тебя развезло, это бывает. Все пройдет, тебе надо только отлежаться.

- Причем тут спирт? – сердито вскинула брови Полина. – Что ты мне рассказываешь, будто я лежала в коме сорок лет? Я все прекрасно помню. И не спасал меня никто, я сама вылезла. И чтобы глоток спирта мог меня свалить? Нет, Элька, тут дело нечисто. Мне сейчас жить не хочется. Понимаешь? Была бы веревка – полезла бы в петлю. Понимаешь? Такая черная-черная депрессия.

- Понимаю. Прекрасно тебя понимаю. Игорь говорит, что ты выпила не глоток спирта, а грамм двести, - улыбаясь, Элька снова погладила Полину. – Это целая бутылка водки. Без закуски. Хорошо, что жива осталась. А депрессия к утру пройдет. Ложись.

Полина легла на узкий скрипучий диван и с головой накрылась колючим одеялом.

- Всё. Меня нет, - буркнула она.

Что же случилось? Полина попыталась мысленно прокрутить пленку обратно. Последнее, что она помнила – это как Игорь вез ее на лодке. Откуда? Со спасательной станции. Как она туда попала? Вот паренек в мокрых джинсах, со скрученной тельняшкой на плече. Он держит Полину за руку, ведет за собой. Что было перед этим? Она говорила по телефону. С кем-то гадким.

В голове зашумело, кровь жарко прилила к лицу. Полина вскочила с дивана, оглядывая себя. На ней были тренировочные шорты и майка – то, в чем она занималась сегодня утром в спортзале. Да, утром был спортзал, а потом она говорила с кем-то по телефону. С кем?

В памяти засел шелестящий незнакомый голос. Он говорил что-то отвратительное. Что он говорил? Не вспомнить ни слова. Но это было мерзко.

Пошатываясь, она пересекла комнату и остановилась, прислушиваясь к голосам. Кто здесь? Вот Катя что-то спрашивает. Элька смеется. Вот мужской голос. Кто это?

- … Катюш, подай, пожалуйста, миксер. Когда-то твоя мама делала изумительные оладьи из совершенно несъедобных вещей. Например, из брюквы.

- Никогда не видела живой брюквы, - сказала Катя.

- Ну, а мы на нее насмотрелись. В колхозе, на первом курсе. Другим факультетам повезло, их бросили на морковь и капусту. А нам достались брюква и турнепс. Но твоя мама проявила себя во всем блеске. Оказалось, что любой корнеплод можно натереть на крупной терке, смешать с кефиром и мукой, и поджарить. Получается мировое объедение.

- Вы вместе с мамой учились?

- Недолго. Но колхоз отработал по полной программе. Так, а теперь взбиваем эту адскую смесь…

Где-то зашумел миксер, и Полина пошла на звук, держась за стенку рукой.

Итак, она у Игоря. Какая маленькая квартирка. Зато кухня просторная. Вот они где, собрались у плиты. Элька, Катя – и он. Со сковородкой в руке.

- О, какие люди, - насмешливо пропела Катя. - Мамульчик, ты вовремя. Мы тут блинчики затеяли.

Элька подскочила к ней и усадила на табурет.

- Попьем чаю с блинчиками и поедем домой, хорошо?

- Нет, - сказала Полина. – Нельзя мне домой. И тебе тоже нельзя. У них есть наши телефоны. Будут звонить.

- У кого это «у них»? – насторожилась Элька.

- Лучше не спрашивай.

7.

Если бы не дочка, Игорь домчался бы до Канонерского острова за пять минут. Но сейчас, когда она сидела за спиной и говорила с Элькой, ему хотелось растянуть удовольствие и послушать ее голос подольше. Поэтому он выбрал самый длинный путь, и никого не обгонял, и не проскочил ни под одним желтым светофором.

Но вот машина нырнула в туннель, догнала чадящий «КамАЗ», и, наконец, вырвалась на просторный берег Канонерского острова. Еще пара минут, и Чернец остановился рядом с «ситроеном» Полины.

- Вот и наша каравелла, - гордо сказала Элька. – Почти готова. Остались только отделочные работы.

- Что-то не вижу я отделочных работников, - заметил Игорь, оглядывая баржу из-под руки.

- Странно. Куда все подевались? – Розальская осторожно ступила на шаткий трап, поднимающийся с берега на высокий борт судна.

Игорь забрался следом за ней. От выскобленной палубы пахло свежими стружками, у борта притулилась циклевочная машинка, на досках валялись брошенные рукавицы. Как на картинах голландских мастеров, здесь повсюду угадывалось присутствие человека. Но самого человека в картине не было.

Зато хорошо слышался его голос, даже слишком хорошо. Из-за кормовой рубки доносились такие матюги, что Игорю стало неловко перед Элькой.

- Постой тут, - он удержал ее за пышный локоток. – Там, кажется, что-то случилось.

Он обогнул рубку и увидел троих работников, осматривающих пролом в ограждении палубы.

- Потому что варить надо было электродами, а не говном! – орал лысый сутулый мужичок, сразу видно: бригадир.

- Так ты дай электроды! – угрюмо отвечал ему длинный парень в брезентовой куртке. – Что даешь, тем и варим!

Оба собеседника вставляли через каждое слово два-три выражения, обеспечивающих не столько связность речи, сколько ее художественность и эмоциональность. Поэтому их реплики получались гораздо длиннее текста. Пока они переговаривались, Чернец подошел достаточно близко, чтобы узнать в бригадире Кольку Михеева, бывшего мастера из того самого ПТУ, где когда-то работала Полина, и где Игорь руководил эстрадным ансамблем.

- Колян, а ты все молодежь гоняешь? – смеясь, спросил Чернец.

- Ё-мое! Игорёха! Да ты откуда? - бригадир растерянно вытирал руки о спецовку. – Так вы что, вместе теперь? С Полиной, значит? Ё-моё! А мы ее чуть не утопили…

- Что?

Ему хватило двух секунд, чтобы все понять. Не слушая сбивчивых объяснений, он отвязал лодку и переплыл протоку, направляясь к спасательной станции. Лодка вся была в потеках краски. Наверно, стоя в ней, рабочие красили борта своей каравеллы. Игорь успел бросить в лодку пару холщовых мешков и постелил их, чтобы не испачкаться.

Дежурный матрос, длинноволосый статный парень лет двадцати пяти, встретил его равнодушно, будто каждый день спасал утопающих. Правда, выдержка изменила ему, когда он увидел в сейфе наполовину опустошенную бутылку спирта. Спасатель чесал затылок и горестно вздыхал, а Игорь, наоборот, обрадовался: это был отличный повод для того, чтобы расплатиться с парнем деньгами. У него в кошельке как раз нашлась новенькая, из банкомата, пятисотрублевая бумажка.

- Вот, купите себе еще спирту, - сказал он, положив купюру в сейф.

- Придется купить, - согласился парень.

- С меня еще коньяк. – Он протянул руку. - Держи набор костей. Игорь.

- Данила.

Они вдвоем занесли Полину в лодку.

- У вас тут мероприятие будет, говорят, - сказал спасатель, кивнув в сторону баржи. – Может, есть смысл подежурить на воде, пьяных подбирать?

Игорь отдал ему зубровинскую визитку:

- Загляни в контору, договорись с Полиной. После всего, что между вами было, она просто обязана взять тебя на работу.

Ему очень не хотелось, чтобы кто-то видел Полину в таком состоянии. Но Михеев уже бегал по берегу туда-сюда, хватаясь за голову и причитая. Когда же бригадир увидел, что начальница лежит в лодке без чувств, ему стало совсем уж нехорошо. Михеев посерел и рассыпал все папиросы, пытаясь закурить.

Игорь на руках донес Полину до «уазика». Побледневшая Катя помогла ее уложить, и села рядом, заботливо прикрывая тулупом. Элька пыталась сунуть Полине под нос ватку с нашатырем, но Игорь убедил ее, что, если Зубровина сейчас придет в себя, то всем от этого станет только хуже. Так они и приехали к нему, потому что его квартира была самой близкой к Канонерке.

Странное чувство охватило его, когда он нес Полину на руках, а Элька и Катя распахивали перед ним двери. Ему хотелось, чтобы этот путь был подольше. Он бережно прижимал к груди невесомое горячее тело, тонкая рука лежала на его плече, а между полуоткрытыми губами поблескивали влажные зубы. Кто бы мог подумать, что двадцать лет назад он тоже нес эту женщину на руках, и тогда она была его невестой…

Первый месяц после свадьбы называют медовым не только из-за обилия сладких минут. В те дни Игорь и Полина все время держались друг за друга, как приклеенные этим медом. Шли по улице, держась за руки. Сидели в аудитории, прижимаясь бедрами. Если ночью Игорь вставал, чтобы открыть форточку, Полина тут же просыпалась и испуганно ощупывала постель. Они старались все время быть рядом. Когда Полине предложили одновременно с учебой поработать в ПТУ, то и Игорь стал ездить в училище вместе с ней. Она поднимала комсомольскую работу, а он организовал сначала кружок гитаристов, а потом и настоящий ансамбль.

Что такое ВИА в ПТУ? Это занятие не для пяти-шести музыкантов, а для всего ученического коллектива. Во-первых, кроме основного состава, набрались еще два дублирующих. Во-вторых, нашлась работа для местных радиолюбителей. Вместо того, чтобы после уроков обрывать трубки в телефонах-автоматах, мальчишки сидели с паяльниками и мастерили усилители, микшеры, колонки и все прочее, чего нельзя было ни купить в магазинах, ни получить на базах Ленкультторга. В-третьих, ансамблю не обойтись без работников сцены – осветителей, декораторов, художников. И всей этой армией кто-то должен командовать. В общем, Игорь приходил в училище не только для того, чтобы быть поближе к жене.

Бросив институт и устроившись на работу в аэропорт, он все равно находил время для своих подопечных. И даже выезжал с ансамблем «Чайка» (более известным как «Баклан») на гастроли в подшефные колхозы. Конечно, ему нравилось это дело, и он любил своих мальчишек, но самым главным было то, что ансамбль был нужен Полине.

Чернец стал своим человеком в училище. Директор обещал выбить для него полставки, но Игорь не дождался этих шестидесяти рублей. Как-то вечерком они с Михеевым сидели в уютном уголке сцены, за роялем, наслаждались «жигулевским» и подсоленными сухариками. И Колян вдруг невзначай сообщил, что в ПТУ приходил человек из органов. «Под тебя копают, Игореха, - оглянувшись, шепнул Михеев. – О чем с пацанами толкуешь, каким песням учишь, почему бесплатно работаешь. И под Полину тоже копают. Почему числится в цеху, а сама

учится на дневном. Ну, мы про тебя худого слова не сказали. А вот с Константиновной могут быть заморочки».

То, что Полина получала зарплату слесаря третьего разряда, наверно, было незаконно. Да, в цеху она появлялась только два раза в месяц, в аванс и в получку. Но так делали все освобожденные работники. И Чернец решил, что никто не стал бы придираться к комсоргу Зубровиной, если бы у нее был благонадежный муж.

В то время он как раз стал замечать, что новый грузчик, появившийся в его бригаде, слишком назойливо пристает к нему с разговорами на отвлеченные темы. Все остальные мужики могли потолковать о нарядах и тарифах, ну, в крайнем случае, о «Зените». А этот, вместо того, чтобы резаться в домино или дремать, ожидая вызова на загрузку рейса, подсаживался к Игорю и заводил речь об НЛО, о карате, о буддизме. Понизив голос, новый грузчик обещал принести самиздатовские распечатки, касающиеся этих интересных тем, или других, еще более интересных. Игорь поначалу отказывался от таких предложений, и каждый раз на лице нового грузчика мелькала понимающая улыбка. Тогда Чернец решил ему подыграть, и попросил достать распечатку «Камасутры». Сорок страниц бледного машинописного текста целую ночь были в его распоряжении. К сожалению, эту ночь Игорь провел как раз на работе. Чередуя чтение с погрузкой чемоданов, он выучил пособие почти наизусть, и придя домой, с трудом дождался Полину, чтобы ошеломить ее своими открытиями. Естественно, не указывая на источник вдохновения.

В следующую ночную смену этот грузчик принес брошюру Карнеги «Как завоевывать друзей». На обложке красовался гриф «Для служебного пользования». Игорь прочитал несколько страниц и вернул книжку – советы хитрого американца показались ему банальными. Новый грузчик подмигнул и вытянул из-за пазухи глянцевый томик Стругацких. «Улитка на склоне», западное издание. Игорь с трудом сдержался, чтобы не схватиться за книжку обеими руками. И заявил, что не любит фантастику.

Он понимал, что, прочитав эту книгу, должен будет что-то сказать. И знал, что не сможет врать. Обсуждение прочитанного – наилучший способ раскрыть свои взгляды и выяснить чужие. А как раз взглядами он и не хотел делиться с этим новым грузчиком, у которого было такое интеллигентное лицо, и такие ухоженные руки, и такая грамотная речь, состоявшая почти из одних вопросов и лести, точно скроенная по рецептам Карнеги для служебного пользования…

Чернец подумал, что с ним снова, как в университете, проводят профилактическую работу. Он горько пожалел обо всех анекдотах, которые рассказывал в присутствии нового грузчика, но было поздно. Каким бы благонадежным он ни старался казаться, любому было понятно, что это только маска, прикрывающая его истинное антисоветское лицо.

Он не удивился, когда Полине предложили взять отпуск по уходу за дочкой - на время, пока ей не найдут новую работу. Она ушла из ПТУ, и Игорь перестал там показываться. Он уволился из грузчиков, и ей сразу предложили новую работу. Если это было совпадение, то весьма многозначительное.

А тут еще и Венька вдруг объявился. Игорь давно уже не видел никого из старых друзей, но Юдинцев отыскал его сам. Отыскал, чтобы все объяснить. Он подтвердил худшие подозрения Игоря и посоветовал на время уехать куда-нибудь, например, к родителям в Москву. И Чернец воспользовался советом. Он уехал. Конечно, не к родителям – зачем же расстраивать стариков?

Когда он собирал вещи, теща не дала ему даже посмотреть на дочку, живо одела Катюшку и унесла гулять. Он хотел взять с собой хотя бы фотографию, но постыдился вырывать ее из альбома. Да и вообще ему казались сентиментальной пошлостью все эти карточки и старые письма, которые полагается хранить у сердца и прижимать к губам в припадке тоски. Игорь никогда не был склонен к фетишизму, и не взял с собой ничего. И отцовские чувства не бес-

покоили его никогда, пока он был далеко от дома. А вот вернулся – и всё. Теперь он точно знал, что должен жить рядом с дочкой, должен видеть ее хотя бы украдкой и должен помогать ей, хотя бы незаметно для нее самой.

И вот она сидит у него на кухне, весело переговаривается с Элькой и ждет обещанных блинчиков. «Как странно иногда выглядит человеческое счастье», - подумал Игорь, с наслаждением прислушиваясь к голосу дочери.

Она рассказывала о своих приятелях, помешанных на костюмированных играх в стиле «фэнтези», и Чернецу было приятно, что дочка посмеивается над этими эльфами, хоббитами и прочими мумитроллями. В ее голосе была такая же дружелюбная ирония, с какой когда-то он сам, вместе с Полиной, обсуждал своих приятелей – пылких диссидентов или, наоборот, твердолобых догматиков. «Да, новое время - новые игры», - подумал Игорь.

- По-моему, они просто с жира бесятся, - заметила Элька. – Подумать только, рыцарские латы за тысячу баксов! Лучше купить акваланг, дайвингом заниматься, если денег девать некуда.

- Дайвинг – это отстой, - заявила Катя. – Это для жирных олигархов. Которые могут на выходные слетать в Эмираты чисто понырять. А эльфы садятся в электричку без билета и пересадками-перебежками добираются из Москвы в Питер. Жрут всякую дрянь, ночуют в подъездах, но зато на сборище могут надеть натуральный бархатный камзол и перстенек с рубином.

- Я же говорю, с жиру бесятся, - вздохнула Розальская. – Гошка, ты что молчишь? Или ты тоже думаешь, что это нормально?

- Нормально, - кивнул Игорь. - Всему свое время. Пусть поиграют, пока есть возможность. Потом начнется работа. Семья, карьера, дети, любовницы, внуки, доктора… Вот тогда и наступит время для дайвинга в Эмиратах. А пока пусть помотаются в электричках. У нас, к примеру, в детстве была «Зарница». А у этих – фэнтези.

- Ну, ты сравнил! – возмутилась Элька. - Патриотическая игра – это одно, а драконы, гномы и прочая нечисть – совсем другое. Нам хоть какие-то идеалы вдалбливали, а у этих на уме только магия и колдовство. Я не удивлюсь, если они жертвы приносят.

- Тетя Эля, но это же игра! – снисходительно улыбнулась Катя. – Видела я их жертвоприношения. Все чуть со смеху не лопались. Особенно жертва. Я бы просто померла от щекотки, если б меня так обмазывали клюквенным вареньем.

- Надеюсь, Полине не придется от этого варенья квартиру отмывать? – спросила Элька.

- Не придется. Они не для ритуалов приезжают.

- А для чего?

- На рок-марафон. Есть такая группа, «Странники». Они устраивают большую тусовку. В Интернете повесили приглашение для всех своих фанатов. Вот мы и собираемся. Многие впервые увидят друг друга живьем. До сих пор только в чате общались.

- И что, все такие же эльфы?

- Ну, тетя Эля, вы зря так критически настроены. Молодежь имеет право отличаться от стариков. Приходите и посмотрите сами. Там и металлисты будут, и толкинисты, и буддисты, и язычники. В общем, у «Странников» свой слушатель. Не такой, как у Филиппа Киркорова.

- На Киркорова я бы пошла, - Элька мечтательно улыбнулась. – Я его еще пионером помню.

- Не могу поверить, что Филя когда-то состоял в пионерской организации, - сказала Катя.

«Какая красавица выросла», - думал Игорь, стараясь не смотреть на дочку слишком часто. От матери Катя унаследовала густо-зеленые, почти оливковые, глаза. Но волосы и брови были темные, как у отца. Вздернутый нос и мелкие ровные зубы – тоже от Игоря, а губы - зубровинские, полные, с приподнятыми уголками.

Он заметил, что Эльке, похоже, не нравилась эта ситуация, когда дочка не догадывается, что разговаривает с собственным отцом. Ему и самому это не нравилось. Но что он мог сказать? Здравствуй, Катя, я твой папа? К чему эти душераздирающие сцены? Ведь пока все идет так мило и просто, зачем же нарушать естественный ход событий? Пусть все остается, как есть, пока такое положение устраивает всех.

Когда на кухне появилась очнувшаяся Полина, Игорь испугался, что она сейчас все испортит. Но Зубровиной было не до психологических нюансов.

Казалось, она едва оправилась от тяжелой продолжительной болезни. Игорю больно было видеть эти темные круги под глазами и ввалившиеся щеки.

- Что вы так на меня смотрите? – хмуро спросила она, растирая виски пальцами. – Пьяного человека не видели? А я не пьяная. Сглазили меня, вот что. Порчу навели. По телефону. Ну, что смотрите? Я серьезно.

- А что? Я верю, - сказала Элька. – Я же тебя предупреждала. У меня самой после разговора с Ардалионом…

- Ардалион! – Полина хлопнула ладонью по столу. – Вспомнила! Я с ним поговорила, уронила телефон в воду, а потом и сама полетела! Вспомнила!

Игорь зачерпнул тесто и вылил на обе сковороды.

- Девчонки, пора мыть руки, а на ложки-вилки не надейтесь, - предупредил он. – С посудой в этом доме всегда были проблемы.

«Девчонки» сгрудились вокруг раковины, передавая друг дружке мыло и по очереди споласкивая руки под струей.

- Я сразу почувствовала, что этот тип настоящий колдун, - продолжала причитать Элька. – Одно имя чего стоит! Полина, я тебя предупреждала, что таких клиентов лучше не злить. Не надо было прогонять Глафиру…

- Поздно. Мы им уже отказали. Отступать некуда. Дай полотенце.

- А мы и не отступаем! Постараемся найти разумный компромисс. Не будем же мы теперь от них прятаться?

- А ты что предлагаешь? Лично я домой не поеду, - Полина поправила волосы перед маленьким зеркалом. – Боже, что со мной? Ну и вид… Нет, я никуда не поеду, пока не приду в себя.

Пока они плескались, Игорь расставил тарелки и чашки. Вся посуда у него была разнокалиберная. Холостяки не покупают сервизов.

- Правильно, - сказал он. – Никуда ехать не надо. Можете переждать у меня. Прошу к столу.

- Я не шучу, Чернец. – Полина впервые за весь день обратилась к нему. – Мне нельзя идти домой. Понимаешь? Нельзя. Я не шучу.

- Я тоже. Такими вещами не шутят. – Игорь подвинул ей стул. – Я раньше не слышал, что можно навести порчу с помощью мобильной связи. Но прогресс не стоит на месте.

Катя первой подставила свою тарелку, и он сбросил на нее золотистый, с дырочками, блин.

- Взрослые люди, - укоризненно проговорила дочка. – И что я слышу? Порча, сглаз, колдуны. А еще над моими эльфами смеются.

- Никто и не смеется, - ответил Игорь. – Зачем смеяться над тем, чего не знаешь? Я, к примеру, не знаю, как работает компьютер – но он работает. Точно так же с магией.

- Она работает?

- Еще как. Просто мы не всегда ее замечаем. – Он подцепил деревянной лопаткой созревший блинчик и стряхнул его Эльке. – Но если есть малейшее подозрение, надо принять меры. Потому что беспочвенных подозрений не бывает. Я это вижу так. Над нами носятся невиди-

мые существа, одни темные, другие светлые. Темные что-то замышляют против нас, а светлые незаметно подсказывают нам об этом. Надо только быть повнимательнее к разным сигналам и знакам. Зубровина, подставляй тарелку.

- Ловко у тебя получается, - сказала Полина. – И вкусно. А откуда запах вишни?

- Тесто замесил на вишневом йогурте. Не выбрасывать же.

- Значит, ты не против, если мы у тебя сегодня переночуем? – спросила она.

- Ляжете на диване, - сказал Игорь. – Все, что вам нужно, найдете в шкафу. А я в гараже перекантуюсь.

- Ребята, вы что? – недоуменно спросила Розальская, глядя то на Полину, то на Игоря. – Вы это серьезно? И долго мы будем тут прятаться?

- Не знаю. – Полина критически осмотрела свою чашку. – Надо же, китайский фарфор. Элька, давай продержимся до завтра. Утром видно будет. Если у меня депрессия пройдет, поедем на работу. А если не пройдет, то ты и одна справишься.

- Вы можете тут жить сколько угодно, - сказал Игорь. – Меня вы не стесните, потому что я все равно сутками пропадаю в гараже. У меня еще куча дел на сегодня. Так что после блинов я вас покину.

- Подбросите меня до Витебского вокзала? – спросила Катя, облизывая пальцы.

- Само собой.

8.

По рассказам матери и бабушки Катя Зубровина знала о своем отце только то, что он был красивым, эгоистичным и безответственным. Насчет красоты они сильно преувеличивали. На групповой институтской фотографии, сделанной в колхозе, Катя обнаружила отца методом исключения – всех остальных маминых однокурсников она знала в лицо. Может быть, в жизни он был лучше, но на снимке казался неказистым – скуластый, курносый, с редкой щетиной, да еще в солдатском ватнике. Отнюдь не красавчик. Это открытие, сделанное в пятом классе, вселило в Катю надежду – может быть, мама так же ошибается и в оценках характера, как не разобралась со внешностью?

Когда ей удавалось подслушать обрывки разговоров об отце, эта надежда только крепла. К примеру, бабушка корила маму за то, что та принимала от отца деньги. Без этих подачек вполне можно обойтись, надо решительным образом раз и навсегда поставить этого проходимца на место. Мама что-то лепетала в ответ, но Кате было совершенно ясно – эгоистичные и безответственные проходимцы не присылают денег брошенным детям.

Однажды ночью она увидела, как мама достает из-под шкафа какую-то коробку. Катя подкралась к двери и стала подсматривать через щель. Мама сидела одна за накрытым столом. Она была в длинном зеленом платье. Перед ней стояла бутылка шампанского и та самая коробка. Мама доставала из нее фотографии, внимательно рассматривала и бросала обратно.

Естественно, при первой же возможности Катя ознакомилась с содержимым загадочной коробки. Там лежали свадебные фотографии, приглашения на бракосочетание, альбом с поздравлениями, черный галстук с резинкой… Мама отмечала годовщину свадьбы. Кате стало до слез жалко ее. В эту минуту она решила, что никогда не выйдет замуж, чтобы потом не страдать вот так, одной за накрытым столом, вспоминая минуты счастья…

Но одну из фотографий она все-таки прихватила, надеясь, что мама, открыв коробку через год, не заметит пропажи.

На выпускной вечер вместе с мамой пришел ее друг, Вениамин Аркадьевич Юдинцев, школьный спонсор. Он вручил подарки отличникам и станцевал с Катей первый вальс. После банкета выпускников ждал экскурсионный «Икарус», чтобы покататься по городу, и здесь Катя впервые увидела своего отца. Он сидел в белой «волге» и через приспущенное стекло смотрел, как Вениамин Аркадьевич ведет ее к автобусу. Юдинцев о чем-то заговорил с ней, задержав на минуту, и Катя последней встала на подножку. Она оглянулась, но стекло в машине уже поднялось, и водителя не было видно. Сев на свое место, Катя прильнула к окну и увидела, что Вениамин Аркадьевич подошел к той самой машине и сел в нее. Эта белая «волга» следовала за автобусом всю ночь. И бродя по набережным, и смешиваясь с веселой толпой на площадной дискотеке, и сбегая по гранитным ступеням к Неве, Катя знала, что за ней неотрывно наблюдает отец. Ей было обидно, что он не решился подойти к ней в такой день. Но его могло оправдать то, что всю ночь возле Кати была мама, а с ней отец, видимо, не хотел встречаться.

Она была уверена, что рано или поздно эта игра в прятки закончится. От ребенка можно скрыть многое, но дети вырастают и могут самостоятельно разобраться во всем. Отношения мамы с бывшим мужем - это ее личное дело. Но точно такое же личное дело – отношения Кати со своим отцом.

Правда, пока никаких отношений не было. Даже оказавшись, наконец, наедине, Катя просто не могла рта открыть.

Молчал и отец. Дорога до вокзала оказалась слишком короткой, чтобы он успел набраться смелости. «А может быть, он и не собирается открываться? – подумала Катя, когда машина остановилась. – А что, если между ними существует какое-то соглашение? О нераз-

глашении тайны отцовства? Ну и дураки. Вот если б он знал, что у него в запасе только неделя, был бы, наверно, посмелее».

Через неделю она выйдет замуж и уедет в Париж. Она навсегда уедет из этой страны. И отец никогда уже не увидит ее. Ну и пусть. Так ему и надо.

- А вот и наши эльфы, – сказал он.

Группа ребят в джинсовых костюмах окружила длинноволосого парня с гитарой, сидевшего на рюкзаке. Катя издалека узнала свою Киевскую подружку Зосю – ее черные косы, как всегда, украшал венок из одуванчиков.

- Спасибо, что подвезли. – Катя с трудом осилила скрипучую дверную рукоятку. – До свидания.

- Постой, постой. Как это «до свидания»? Грузи свою команду.

- Но… Вы же собирались ехать на работу?

- Нам по пути. Грузитесь.

- А мы поместимся?

- И не таких гномов возили.

Эльфы встретили Катю восторженным свистом и криками «вау!». На ходу обнимаясь и целуясь с ней, они живо направились к «уазику». Трое парней и три девчонки, да шесть огромных рюкзаков – все это прекрасно уместилось в машине, и даже осталось немного места для того, чтобы, изловчившись, бить по струнам гитары. «Распрягайте, хлопцы, коней!» - запела Зося, эльфы подхватили, да так, что заглушили даже рокот мотора.

У дома Катю поджидали еще несколько приятелей. На сегодня был назначен общий сбор. Пока ребята знакомились и перетаскивали вещи по лестнице, Катя, отдав Зосе ключ от квартиры, осталась внизу. Ей хотелось как следует запомнить отца.

- Между прочим, я ведь не говорила, куда надо ехать, - сказала она, глядя, как он возится в машине, наводя порядок.

- А я и не спрашивал.

- Значит, бывали здесь?

- Бывал. Веселая у тебя команда. И поют здорово.

Он захлопнул заднюю дверцу и сел за руль.

- Вы сейчас на работу? - спросила Катя, чтобы задержать его еще на минутку. – А где вы работаете?

- У меня свой гараж.

- Большой?

«Что за идиотский вопрос! – подумала она. – Надо сказать что-то умное, серьезное, а то так и запомнит меня дурочкой».

- Нормальный гараж, - он взялся за ключ, но почему-то не заводил двигатель. – Три подъемника, покрасочная камера. Два моториста, жестянщик, электрик. Раньше была даже девчонка-администратор. Да вот беда, замуж вышла, бросила нас.

- Сочувствую. Какое горе, когда администраторы выходят замуж.

«Дура, не смейся! Это же скрытое предложение работы, - подумала Катя. – Он хочет, чтобы я работала с ним в гараже. С этими чумазыми механиками, среди грязных раздолбанных машин. Ну уж нет, спасибо, папочка, у меня есть и более заманчивые варианты».

- А у тебя сейчас каникулы? – спросил он.

- Можно и так сказать. Закончила четвертый курс. Я теперь – бакалавр. Могу бросить учебу.

- Ни в коем случае, - строго сказал отец. - Пока есть возможность, надо учиться.

- Чему? И зачем? Все равно я никогда не буду ни наукой заниматься, ни работать в школе. Преподавать отморозкам иностранные языки? Боже упаси. Но, если вы так просите, я, пожалуй, задержусь в университете еще на пару лет.

Из подъезда выбежала Зося, растерянно разглядывая ключи.

- Кэт! У нас проблема! Замок не открывается!

Не говоря ни слова, отец поднялся вместе с ней по лестнице и, забрав ключ, вставил его в замок. Провернул несколько раз, и нахмурился, почесывая лоб.

- Не люблю я эти импортные замки, - сказал он, внимательно разглядывая ключ. – Китай – великая страна. Но все, что они делают руками, никуда не годится. Катюша, а раньше замок не барахлил?

- Нет.

- Это хорошо. А с соседями у вас нормальные отношения? Кто еще живет на этой лестнице? Например, трудные подростки или вредные старушки имеются?

- Да нет, все приличные люди.

- Ну, приличные люди – это не алиби. А второй замок работает? Так, работает…

Он достал из кармана куртки складной нож.

- Прошу всех закрыть глазки. А то потом будете говорить, что это я вас научил вскрывать двери.

- Только не надо ничего ломать, - попросила Катя.

- Все уже поломано до нас, - сказал отец, вставляя длинное лезвие в дверную щель. Он потянул за ручку, потом навалился плечом, и дверь распахнулась. – Добро пожаловать.

- Ура, - облегченно выдохнула Катя. – Эльфы, за мной! Расползайтесь по хате!

Гости шумно разбрелись по квартире, оставив на полу в прихожей гору обуви. Отец стоял у двери, щелкая задвижкой сломавшегося замка.

- Надо менять. Катюша, ты когда будешь дома?

- Я уже дома.

- Вы же, наверно, куда-нибудь сейчас уйдете? Я куплю новый замок, а вечером могу заехать и вставить.

- Ну, вечером-то нас точно здесь не будет. Пойдем гулять, потом засядем где-нибудь, потом мосты разводить… Да не стоит беспокоиться, сами вставим как-нибудь.

- Вот именно, что как-нибудь. Нет уж, дружок, давай без самодеятельности. Завтра я приду утром, часов в десять, это удобно? Приду и все сделаю.

Он говорил с ней, оглядывая стенки прихожей. Катя увидела, что его взгляд задержался на антресолях, откуда выглядывал гриф старой гитары.

- Ты играешь?

- Нет. Кто-то из маминых друзей забыл. Сто лет назад.

Отец посмотрел на часы.

- Значит, договорились? Завтра в десять.

- Может быть, чашечку кофе? – спросила Катя.

- Спасибо. В следующий раз.

«Что еще придумать? Как его задержать? – отчаялась она. – Ведь он не хочет уходить. И я не хочу, чтобы он ушел. Вот взять и сказать ему всё прямо сейчас…»

Зазвенел телефон под зеркалом в прихожей. Катя взяла трубку.

- Это Ардалион, - послышался незнакомый голос.

- Какой Ардалион? – переспросила она, и вдруг отец крепко сжал ее плечо.

Она удивленно оглянулась.

- Дай мне трубку, - шепнул он.

- Это, наверно, к маме.

- Сейчас разберемся. – Он быстро выхватил трубку из ее пальцев. - Ардалион? Кажется, у вас какие-то проблемы с Полиной Константиновной?

Отвернувшись к стене и прикрывая трубку ладонью, он заговорил громко и властно:

- Нет, это вам кажется, что никаких проблем. А я точно знаю. Да, я в курсе. Это не телефонный разговор. Давайте встретимся, я вам растолкую… Нет, она с вами говорить не будет…. Эти вопросы решаю я… Стоп, не тратьте время, меня уговаривать бесполезно. Приезжайте через час к Казанскому собору… Ну, раз не можете приехать, то слушайте меня внимательно. Оставьте Полину в покое. Забудьте о ней. А не отстанете – будем разговаривать по-другому. Подробности – при личной встрече. Не беспокойтесь, я вас найду сам. Ленинград – маленький город.

Отец нажал рычаг, не опуская трубку.

- Катюша, иди к гостям, - сказал он таким же суровым тоном, каким говорил с Ардалионом, но тут же добавил уже мягче. – Извини, дружок, я увлекся. Давай договоримся. Сюда еще будут, наверно, звонить разные нехорошие люди. Твои действия: поднимаешь трубку и молчишь. Если слышишь чужой голос, так же молча кладешь трубку. Никаких переговоров.

- У мамы неприятности?

- Временные трудности. Ничего, пробьемся. Иди к своим гостям. Да, и еще. Не пускай в дом посторонних.

- Звучит довольно смешно, - сказала она, разбирая гору кроссовок и босоножек.

- Я не имею в виду твоих друзей. Полина связалась с какими-то навязчивыми субъектами. Они просто так не отстанут. Но мы примем меры.

- А мама пока будет жить у вас? – невинно спросила Катя.

- Посмотрим. – Он смутился и торопливо вышел, не попрощавшись.

- Так не забудьте, завтра в десять я буду ждать! – крикнула она ему вдогонку.

В прихожую заглянула Зося.

- Кто это был? Прикольный дядечка. Я слышала, как он кого-то песочил по телефону. Хлопцы просто хвосты поджали от его голоса. Он с мамашей твоей работает?

- Да, - небрежно ответила Катя. - Это наша «крыша».

9.

Посреди ночи Полина проснулась оттого, что чьи-то волосы щекотали нос. Она увидела рядом с собой Эльку, и сразу все вспомнила.

Нестерпимо хотелось пить. В холодильнике Полина нашла две бутылки пива. Сделав несколько жадных глотков, она услышала за спиной легкие шаги.

- Какая картина, - сонно улыбаясь, проговорила Розальская. – Похмеляемся?

- Ох, как я теперь понимаю тех мужиков, которые по утрам стоят возле пивных ларьков… - Полина оглядела кухню. – Вот где он скрывается. Типичная холостяцкая пещера. Значит, так и не женился.

- Зачем ему жена? У него хорошая стиральная машина. Телевизор, видик, полный шкаф кассет. А готовить он и сам умеет.

Элька подсела к ней и налила пива в чашку.

- Раньше он не готовил даже яичницу, - сказала Полина. – Даже чаю сам себе не заварит. Мог убежать на работу голодным. Пока мама не приехала, мы целыми неделями жили на одних бутербродах и кефире.

- Мне бы так пожить, - вздохнула Розальская, открывая холодильник. – Как думаешь, можно отрезать кусочек окорока?

- Можно. Он знал, кого приглашает.

Элька отрезала тонкий ломтик, свернула его в трубочку и обмакнула в горчицу. Поколебавшись, открыла вторую бутылку пива:

- Гулять так гулять. Тебе налить?

- Не хочу больше. А то похмелье плавно перейдет в запой. Не хватало на старости лет стать алкоголичкой. – Полина отодвинула кружку, но спустя секунду все-таки налила пива и себе. – Хорошо, что нас никто не видит. А знаешь, чего я больше всего боялась, когда мы с ним жили? Что он сопьется. Когда он бросил институт и ушел в грузчики, мне стало по-настоящему страшно. Потому что я знаю эту среду. Сама выросла среди постоянных пьянок. Так хотелось вырваться из всего этого. Думала, вышла замуж за приличного мальчика, будем жить как люди. А он даже не спросил меня ни о чем, когда бросал институт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.